
ИСТОРИЯ ЛОГИКИ

*Алексей Круглов*¹

ФРОНТИСПИСЫ В УЧЕБНИКАХ ЛОГИКИ ПЕРИОДА НЕМЕЦКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ КАК ПРОГРАММНЫЕ ВИЗУАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА²

Аннотация. В статье показано, каким образом во фронтисписах логических компендиумов как особых визуальных средствах отразились основные споры и проблемы в понимании предмета, задач и роли логики в немецкой философии эпохи Просвещения. Антропологический характер логики, наличие теологических оснований, понимание логики как средства справедливости, поиск правильного пути исследования, поиск новых истин, положение логики среди других философских и нефилософских дисциплин, связь логики с задачами Просвещения — различные позиции по этим вопросам автор демонстрирует, анализируя фронтисписы из логических произведений Хр. Томазия, Хр. Вольфа, Хр. Вайзе, Н. И. Гундлинга, И. П. Ройша, А. Рюдигера, А. Ф. Хоффмана, Хр. А. Крузия, И. Г. Дарьеса, И. Ланге, И. Хр. Ланге, А. Бёма, И. Хр. Эшенбаха и др. В заключительной части проводится сравнение немецких фронтисписов из логических компендиумов, а также отраженный в них образ Просвещения, с фронтисписами в «Умословии или умственной философии» И. С. Рижского и «Российской грамматике» М. В. Ломоносова.

Ключевые слова: фронтиспис, визуальное средство, учебники логики, Просвещение, Хр. Томазий, Хр. Вольф, Хр. Вайзе, И. Г. Дарьес, И. С. Рижский.

Alexei N. Krouglov

FRONTISPIECES IN GERMAN ENLIGHTENMENT LOGIC TEXTBOOKS AS PROGRAMMATIC VISUAL AIDS

Abstract. The paper's issue is how the main debates on the understanding of the logic subject, tasks and role have been reflected in frontispieces of logical compendiums in the German philosophy of the Enlightenment era. I argue that frontispieces are special visual aids that help

¹*Круглов Алексей Николаевич* — доктор философских наук, профессор кафедры истории зарубежной философии философского факультета Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ).

Alexei N. Krouglov, DSc in Philosophy, professor, Department of History of Foreign Philosophy, Faculty of Philosophy, Russian State University for the Humanities (RSUH).
akrouglov@mail.ru

²Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00227а «Визуальное представление логического знания: о месте логики в когнитивных исследованиях».

to demonstrate various positions on such problems as the anthropological character of logic, the existence of theological foundations, logic treatment as an instrument for achieving justice, search for the right way of inquiry, discovery of new truths, the place of logic among other philosophical and non-philosophical disciplines and its connections with the aims of the Enlightenment. I analyze frontispieces from logical works of Chr. Thomasius, Chr. Wolff, Chr. Weise, N. H. Gundling, J. P. Reusch, A. Rüdiger, A. F. Hoffmann, Chr. A. Crusius, J. G. Darjes, J. Lange, J. Chr. Lange, A. Boehm, and J. Chr. Eschenbach. The final section compares the German frontispieces from logical compendiums and the Enlightenment image, which is introduced there, with the frontispieces in I. S. Rizhsky's *Umoslovie, or Rational Philosophy* and M. V. Lomonosov's *Russian Grammar*.

Keywords: frontispiece, visual aids, logic textbooks, Enlightenment, Chr. Thomasius, Chr. Wolff, Chr. Weise, J. G. Darjes, I. S. Rizhsky.

Для цитирования: *Круглов А. Н.* Фронтисписы в учебниках логики периода немецкого Просвещения как программные визуальные средства // *Логико-философские штудии.* 2021. Т. 19, № 1. С. 12–90. DOI: 10.52119/LPHS.2021.54.16.002.

Введение

С конца XVII века в латино- и немецкоязычных философских произведениях немецких логиков наблюдался настоящий расцвет фронтисписов, продолжавшийся чуть менее столетия и пришедшийся как раз на период немецкого Просвещения. Большинство значительных философских трактатов этого времени сопровождалось программным изображением в виде фронтисписа — это справедливо как для метафизических и общеполитических, так и для логических произведений. Но, пожалуй, именно в логических компендиумах фронтисписы, наглядно выражающие ключевую мысль всего сочинения в целом, выглядели наиболее органично, участвуя тем самым в ведущейся дискуссии по вопросу о предмете, функциях и задачах логики. В чем же состояли основные точки расхождения между философами и логиками того времени относительно самой логики, нашедшие свое отражение в том числе и во фронтисписах?

1. Дискуссионные вопросы о предмете, характере и задачах логики времен немецкого Просвещения

Альтернативные названия логики. Уже обозначение того предмета, который ныне более-менее конвенционально называется логикой, оказывалось дискуссионным. Частично это было связано с одновременным сосуществованием латинского и немецкого языка и постепенным переходом от первого ко второму, одна-

ко сугубо лингвистические трудности все же менее значимы на фоне собственно философских разногласий. Философские же дифференции были связаны с различными взглядами на природу логики — это тот вопрос, который обострился в конце XVI — начале XVII вв. В первой книге своего трактата «О природе логики» итальянский философ-аристотелик и логик Джакомо Дзабарелла (1533–1589) задавался вопросом о том, чем именно является логика: наукой (*scientia*), искусством (*ars*), мудростью (*sapientia*), благоразумием или рассудительностью (*prudencia*) либо неким видом ума, постижения, разумения (*intelligentia*) (Zabarella 1578: 1–12). Все эти пять вариантов в схоластической философии со ссылками на Аристотеля³ относились к неким видам знания, навыкам, складам души (*habitus*). Ответ самого Дзабареллы в опоре на все того же Стагирита звучал следующим образом: логика не относится ни к одному из этих пяти видов, а представляет собой инструмент философии по различению истины и лжи, добра и зла (Zabarella 1578: 20). Весьма примечательно, что во всем своем трактате, равно как и во всем сборнике своих логических трудов, Дзабарелла целиком обошелся без каких бы то ни было смысловых иллюстраций⁴. В немецкой традиции эту же проблему природы логики осветил известный метафизик XVII века Кристоф Шайблер (1589–1653), который выступил с критикой инструментального понимания логики, однако озвучил аргументы Дзабареллы против того, что логика является наукой, искусством, мудростью, благоразумием или разумением (Scheibler 1613: 116–131). Исходя из решения вопроса о том, к каким «складам души» относится логика, решался вопрос и о том, является ли логика частью философии или же нет. Сходные рассуждения имеются и в логических диспутациях одного из основателей так называемой протестантской школьной метафизики Корнелия Мартини (1568–1621) (Martini 1562: Disputatio I. Б. п.).

В эпоху немецкого Просвещения при постепенном переходе с латинского языка на немецкий довольно долго центральное место занимали три обозначения логики, которые весьма симптоматично зафиксированы в многотомном немецком энциклопедическом лексиконе И. Г. Цедлера: в статье о логике в 1738 году уже в заголовке провозглашалась синонимия трех терминов — «Logik», «Vernunftlehre» и «Vernunftkunst» (Zedler 1738: 260). Эта триада была заимствована из «Разумных мыслей о силах человеческого рассудка и их правильного употребления в познании истины», или так называемой «Немецкой логики» Христиана Вольфа (1679–1754), в которой начиная с третьего издания 1722 года Вольф и стал подчеркивать данную синонимию: раздел философии (*Welt-Weisheit*), показывающий изучение «сил человеческого рассудка и их правильное употребление в познании истины», «называется логика (*Logick*), или искусство разума (*Vernunft-Kunst*), или также учение разума (*Vernunft-Lehre*)» (Wolff 1722: 6. § 10)⁵. В «Немецкой ло-

³См. о пяти складах души и их характеристиках (Аристотель 1983: 174–175. 1139b–1140a).

⁴См. некоторые рассуждения о причинах этого обстоятельства (Leinkauf 2006: 95).

⁵Данное предложение сохранилось вплоть до последнего прижизненного издания «Немецкой ло-

гике» Вольф демонстрировал явное нежелание вступать в споры о «роде» (genus) логики, которые для него воспринимались схоластическими.

Однако никакими декларациями о синонимии этих трех терминов и нежеланием рассматривать споры о названии сама проблема не устранялась, ибо напряжение неизбежно возникало в силу того или иного выбранного немецкого варианта: так, например, искусство разума означало, что логика не является учением, а учение разума, в свою очередь, означало, что логика не является искусством, в то время как разум в названии порождал вопросы о классе существ, им обладающих, и, соответственно, сфере распространения логики и причинах ее существования. До тех пор пока к концу XVIII века в немецком философском языке не устоялась калька с латинского — «Logik», — споры не могли окончиться голословными декларациями синонимии. Вероятно, желание покончить с этими спорами явилось одной из причин изменения названия логики в сторону кальки.

Правда, и латинизированное обозначение «logica» для философов XVIII века, иначе слышавших латынь в сравнении с нами, несло с собой определенные проблемы с точки зрения выбора лингвистической, психологической или «мыслительной» интерпретации. Согласно «Философскому лексикону» 1726 года оппонента Вольфа, теолога Иоганна Георга Вальха (1693–1775), в котором имеется как статья под названием «Logic», так и под названием «Vernunft-Lehre», греческое слово λόγος может означать как разум, так и речь, а поэтому логика может пониматься как наука о словах, или наука о мыслях. Выбор того или иного значения мог бы привести к разному пониманию самой логики. При этом Вальх закончил статью утверждением: «...что, собственно говоря, означает логика, и в чем состоит ее сущность, об этом следует искать ответ в статье об учении разума, которое является равнозначным словом со словом логика, всегда означающую некую искусственную науку, так что естественная логика, или всего лишь естественная способность познавать истину, в собственном смысле логикой не является» (Walch 1726: 1657). В статье про «учение разума» Вальх заметил: «Учение разума — это такое учение, которое имеет дело с истиной вообще, и показывает, как таковую должно познавать посредством размышления, и делать свой рассудок искусным для подобного познания» (Walch 1726: 2669). Но как и Вольф, Вальх отмахнулся как от схоластических от вопросов о том, является ли логика именно учением, или наукой (практической или теоретической), или искусством (умением или способностью), или инструментальной привычкой (только инструмент или и часть философии)⁶.

логики» Вольфа (Wolff 1754: 6. § 10). В первых же двух изданиях эта триада еще отсутствовала (Wolff 1713: 4. § 10; Wolff 1719: 5. § 10). В единственном русском переводе середины XVIII века тройка синонимов превратилась, однако, в двойку: «логика, или учение разума» (Вольф 1765: 7).

⁶В то же время позиция Забареллы оказала на Вальха определенное влияние. Он называет учение разума практическим учением, исключая из него так называемую естественную логику в силу отсутствия в ней четко сформулированных и имеющих силу правил. В таком учении разума он выделяет три важные черты: инструмент, посредством которого познают истину вообще (рассудок);

В действительности же в конце XVII–XVIII вв. в Германии было намного больше вариантов для обозначения логики. Наряду с наиболее влиятельными и употребимыми — учение разума (*Vernunftlehre*, Хр. Томазий, Г. С. Реймарий, Г. Ф. Майер) и логика (*Logik*, Хр. Вольф, И. Хр. Эшенбах) — использовалось около десятка альтернативных терминов: искусство разума (*Vernunftkunst*, И. Г. Дарьес), искусство открытия (*ars inveniendi*, И. Г. Дарьес), врачевание ума (*medicina mentis*, Э. В. фон Чирнхауз, И. Ланге), искусство мышления (*ars cogitandi*, Г. Г. Титц), благоразумие мышления (*prudencia cogitandi*, Хр. Томазий), путь к истине (*via ad veritatem*, Н. И. Гундлинг, И. Г. Дарьес), сознание истинного и ложного (*sensus veri et falsi*, А. Рюдигер), придворная философия (*philosophia aulica*, Хр. Томазий), инструментальная философия (*philosophia instrumentalis*, Г. С. Реймарий, Г. Ф. Майер), рациональная философия (*philosophia rationalis*, Хр. Вольф), наука о мышлении (*Denkungswissenschaft*, И. Хр. Эшенбах), а также различные образы вроде маяка интеллекта (*pharus intellectus*, С. Гроссер), искусства обо всех искусствах, ядра всей мудрости, основания всех наук, жемчужины учености, истинного камня мудрецов и пр. Вся эта пестрота и разные видения предмета и задач логики нашли свое отражение и во фронтисписах логических сочинений времен немецкого Просвещения.

Теологические основания логики. Автор первого значимого компендиума по логике немецкого Просвещения и один из основателей этого философского течения — Христиан Томазий (1655–1728) — формулирует в качестве одного из исходных тезисов утверждение о том, что сами усилия людей по приобретению знания или «учености» становятся необходимыми лишь в результате грехопадения, до которого человек был «ученым» и не нуждался ни в каких указаниях логического характера (Thomasius 1691a: 76. § 3). Таким образом, какие-либо упражнения для пребывающего в темноте рассудка, равно как и само различение между учеными и неучеными, оказывается одним из следствий грехопадения (Thomasius 1691a: 76. § 4). Философия, логика, теология и иные науки способны помочь человеку вернуть это первоначальное состояние рассудка. Опираясь в логике человеку следует на естественный свет, отождествляемый Томазием с рассудком. Для употребления этого света не требуются искусственные ученые языки, а естественный свет доступен и старым, и малым, и мужчинам, и женщинам (Thomasius 1691a: 81. § 19). У таких современников Томазия, как пиетистский теолог и философ Иоахим Ланге (1670–1744), тезис о связи логики с грехопадением стал одной из ключевых тем, по причине чего человеку требуется «Врачевание ума» (Lange 1718). Но если Томазий предлагал восстановить некий изначально здоровый дух, то Ланге в качестве исходного пункта рассматривает болезнь ума как собственную вину человека, как следствие первородного греха. Восстанавливать в этом случае оказывается нечего.

предмет, который следует познавать (истина); вид и способ познания (Walch 1726: 2670–2672).

Наоборот, врачевание болезни только и создает некое здоровое состояние.

Антропологизация логики. Рассмотрение главного предмета трактата 1691 года про теоретическую логику Томазий начал со следующей дефиниции: «Учение разума является таким учением, которое указывает людям, как они должны правильно употреблять их разум, т.е. их мысли вообще в познании истины в каких бы то ни было разделах учености, и тем самым служить другим людям» (Thomasius 1691a: 88–89. § 1). В этой дефиниции имеются такие детали, которые серьезно отличают ее от тех или иных трактовок логики, распространенных в наши дни: «Учение разума касается только людей и никаких иных тварей, так как никакие иные твари не обладают каким-либо разумом. Ибо разум есть не что иное как способность человеческой души (Seele)» (Thomasius 1691a: 89. § 2). Во многом подобное истолкование логики у Томазия оказывается следствием того, что в качестве обозначения он использует немецкий термин «учение разума», тем самым вводя проблематику принадлежности разума тем или иным существам в логику. Антропологическая трактовка учения разума окрашивается у Томазия в теологические тона в вопросе о его основаниях и корнях: «Это учение основывается в разуме самого человека и, таким образом, вложено Богом самому человеческому роду от природы. По каковой причине же не требовалось бы никакого особенного учения, если бы состояние человека в этой жизни не было бы таково, что с самого детства естественный свет разума затемняется разнообразными причинами» (Thomasius 1691a: 89. § 3). В дальнейшем как у сторонников, так и у противников Томазия стали возникать разночтения в том, имеет ли дело логика с разумом, или с рассудком, или и с тем, и с другим, однако принципиально замена разума рассудком или же добавление рассудка к разуму самой антропологизации как таковой не снимали: даже у Вольфа в названии его «Немецкой логики» «о силах человеческого рассудка» явно видны черты антропологизма.

Естественная и искусственная логика. Уже из приведенных выше высказываний Вальха и Томазия видны разногласия в вопросе о соотношении естественной и искусственной логики и их включение в логику как некую науку. Если следовать позиции Томазия, то без грехопадения человек вполне мог бы ограничиться только и исключительно естественной логикой. Его оппоненты, напротив, утверждали, что естественная логика в строгом смысле слова вовсе не является логикой, а подлинной логикой в научном смысле может быть только логика искусственная.

Логика как искусство открытия. Одним из главных лейтмотивов логических компендиумов времен немецкого Просвещения является провозглашение насущной задачи открытия новых истин, а не только лишь обоснования или доказательства уже известного. Уже у Томазия в разделе «О средствах и способах

нахождения новых истин» его «Учения разума» высказано желание отмежеваться от немецкой школьной философии. Причина же состоит в том, что по Томазиу никаких новых истин при помощи силлогизмов получить нельзя: «...силлогизм не есть средство открытия истины, а только лишь мода приводить в порядок или украшать найденные истины» (Thomasius 1691a: 270. § 21). Задолго до Гегеля, упрекавшего Канта в толковании кенигсбергским философом критики, Томазий бросил в адрес адептов силлогистики в искусстве открытия: «Ибо как бы ты оценил такого парня, который бы поклялся, что он не желает зайти в воду, прежде чем он научится плавать?» (Thomasius 1691a: 269–270. § 18; Гегель 1974: 95. § 10). Эту же мысль сформулировал во второй части своего «Врачевания ума» и немецкий естествоиспытатель и философ Эренфрид Вальтер фон Чирнхауз (1651–1708), который в традиции Фрэнсиса Бэкона бросил упрек современной ему логике в том, что та не является искусством открытия (Tschirnhaus 1695: 28–29). И хотя подходы в отношении применимости силлогистики при открытии новых истин имелись различные — так, Вольф отстаивал альтернативную точку зрения и защищал силлогистику, — сама необходимость открытия новых истин в логике практически не подвергалась сомнению. С вопросом о том, чем занимается логика: только обоснованием известного или и открытием неизвестного, — связано также противопоставление старой, «ветхой» логики или философии и логики новой.

Логика как путь. Искусство открытия или искусство нахождения истин в логических трактатах нередко пытались представить и в буквальном, и в переносном смысле как «путь». Вероятно, здесь проявилась еще одна содержательная черта логических сочинений того времени — методологическая заостренность, появление специальных разделов о «методе», в котором буквально слышится и «путь» (ὁδός).

Логика в эпоху Просвещения. В силу того что все охватываемые в рамках данного исследования логические трактаты относятся к эпохе немецкого Просвещения, особенностью которой, в отличие от французского или английского Просвещения, как раз и являлось то обстоятельство, что в Германии имелся специальный термин для обозначения «просвещения» (Aufklärung), активно употреблявшийся и даже ставший предметом обширной дискуссии, авторам логических компендиумов было важно выразить те или иные программные идеи Просвещения в том смысле, в каком они их понимали, хотя нередко и в довольно аллегорическом виде.

На основании этого схематичного очерка ряда проблем и спорных вопросов в логике эпохи немецкого Просвещения можно попробовать внимательнее взглянуть на то, каким образом все это нашло свое отражение в программных иллюстрациях логических компендиумов того времени. Хотя некоторые авторы логических трактатов и давали той или иной степени подробности толкования собственных фронтисписов, рефлексия о роли подобного рода изображений как таковых в самих

учебниках логики, как правило, отсутствовала. Исключение составляет, пожалуй, Мартин Кнутцен (1713–1751), учитель Канта в университете Кенигсберга. Правда, хотя он и посвятил специальный параграф своей логики пользе изображений, гравюр и пр. для прояснения идей и понятий (Knutzen 1747: 217–218. § 259)⁷, сам он в учебнике иллюстрациями не пользовался.

2. «Курьезные вопросы о логике» Хр. Вайзе, «Философия математики» Э. Вайгеля и «Система логики» И. П. Ройша: антропологический характер логики и ее теологические основания

«Курьезные» мысли и вопросы на разные темы опубликовал известный сегодня больше как драматург немецкий педагог и риторик Христиан Вайзе (1642–1708). Одни из этих вопросов как раз и посвящены логике — сочинение 1700 года «Курьезные вопросы о логике, каким образом эта несравненная дисциплина должна отчетливо и с пользой познаваться всеми любителями учености, особенно политиком, в двух частях, в начальной теории, и последующей практике, изложенных наилучшим образом при помощи достаточных правил и особенных примеров». Саму логику Вайзе, начавший преподавание в гимназии Циттау, ныне носящей его имя, на немецком языке, предпочитал называть латинским термином «Logica», определяя ее следующим образом: это «учение, каким образом следует правильно применять свой разум как в учении, так и в последующей практике» (Weise 1700: 3. § 1). Произведение Вайзе предваряет примечательный фронтиспис (см. рис. 1), который должен показать, кто воспринимает логику, будучи облагороженным восходом жизни (Quis logicam spernat si nobilitatur ab ortu). Автор дает своему фронтиспису следующее объяснение: «У нас нет причин рекомендовать логику, ибо она оказывает разуму лучшую услугу, это значит, она рекомендует себя сама. Ей достаточно для этого только лишь воззвать к своему истоку. Ибо когда первому человеку Богом было вдохнуто живое дыхание, живая душа одновременно обрела умение нечто познавать, нечто различать, заключать одно из другого: в сумме был наличен фундамент правильной логики. И именно на это и нацелена предшествующая гравюра» (Weise 1700: Vorrede. Б. п.). Хотя Вайзе и предпочитает термин «логика», а не «учение разума», его фронтиспис оказывается прекрасной иллюстрацией мысли Томазия о том, что учение разума свойственно только обладающему разумом человеку — передача «дыхания» осуществляется Богом лишь в отношении человека, но не какого-либо иного изображенного на фронтисписе живого существа. Тем самым, логика оказывается сугубо человеческим делом, однако имеющим непосредственный божественный исток. При этом речь идет в первую очередь о естественной логике как фундаменте, что подчер-

⁷Кант в черновой заметке по логике подчеркнул: «Мы замечаем, что все понятия можно схватить отчетливее, если их можно сделать понятными при помощи картин и образов воображения» (Kant 1924: 8–9).

квивается обнаженной, «естественной» фигурой человека, а также отсутствием у него каких бы то ни было приборов и ухищрений для связи с Богом.

В качестве противовеса последней позиции Вайзе можно привести фронтиспис из более чем тысячестраничной работы математика и философа, одного из учителей Лейбница Эрхарда Вайгеля (1625–1699) «Философия математики, прочная естественная теология, продолжаемые отдельными науками, и содержащая первую нить всеобщего искусства изобретения» (Weigel 1693), включающей в себя в том числе и логические разделы — в частности, критику силлогистики в вопросе нахождения новых истин (см. рис. 2). В занебесной части иллюстрации представлено антропоморфическое изображение Бога, голова которого уподобляется Солнцу, только наряду с лучами она эмануирует числа и геометрические фигуры. Акт творения обозначается при помощи выражения «Да будет!» (fiat), исходящего от Бога в сторону располагающегося под ним небесного и земного мира. В освещаемом Солнцем земном мире один человек наслаждается плодами растений, другой же пребывает вместе с животным, в то время как ангелоподобная фигура пытается узреть Бога — в отличие от фронтисписа Вайзе, это происходит исключительно при помощи различных приборов, которые сразу же не позволяют говорить о «естественности», а напротив, подразумевают высокую степень искусственности.

В свою очередь, уже в качестве противовеса Вайгелю выступает гравированный титульный лист «Системы логики древности и современности» (Reusch 1750) философа и теолога, ученика И. Хр. Ланге, находившегося под определенным влиянием вольфианской философии, Иоганна Петера Ройша (1691–1758) (см. рис. 3). И хотя иллюстрация на титуле (см. рис. 4) не является оригинальной и исключительной — она присутствует и на втором издании «Метафизики» Ройша (Reusch 1753), и в некоторых иных изданиях этого же издательства (герб издателя присутствует на нижней линии иллюстрации), — можно предположить, что автор был не против подобного изображения и усматривал некую связь его с основным содержанием своего трактата. Бог, символически представленный тетраграмматом в виде Солнца, присутствует в левом верхнем углу. В центре гравюрного изображения в виде некоей скалы возвышается дама. Если я правильно понимаю замысел этой иллюстрации, то дама эта — истина. Ее штурмуют две мужских фигуры, вооруженные копьем и луком. Между ними же располагается коленопреклоненная фигура третьего человека, сложившего руки в молитве и обращенного к Богу. Надпись над изображением «Precibus non minus», вероятно, следует понимать так: молитвами, а не угрозами. Конечно, копье и лук Ройша отличаются от измерительных приборов Вайгеля, однако между ними все же есть много общего: они суть средства по некоему «выпытыванию» истины. Согласно Ройшу, угрозами и пытками истины не добиться — лучшим же средством ее достижения оказывается молитва, благодаря которой молящийся, но уже не нагой, а все же оснащенный одеждой — искусственной логикой, оказывается связан такой же

Рис. 1: Фронтиспис из издания: *Weise Chr. Curieuse Fragen über die Logica Welcher gestalt die unvergleichliche Disciplin Allen Liebhabern der Gelehrsamkeit, sonderlich aber von einem Politico deutlich und nützlich soll erkennet werden; In Zweyen Theilen, Der anfänglichen Theorie, und der nachfolgenden Praxi zum besten Durch gnugsame Regeln, und sonderliche Exempel ausgeführet.* Leipzig, 1700.

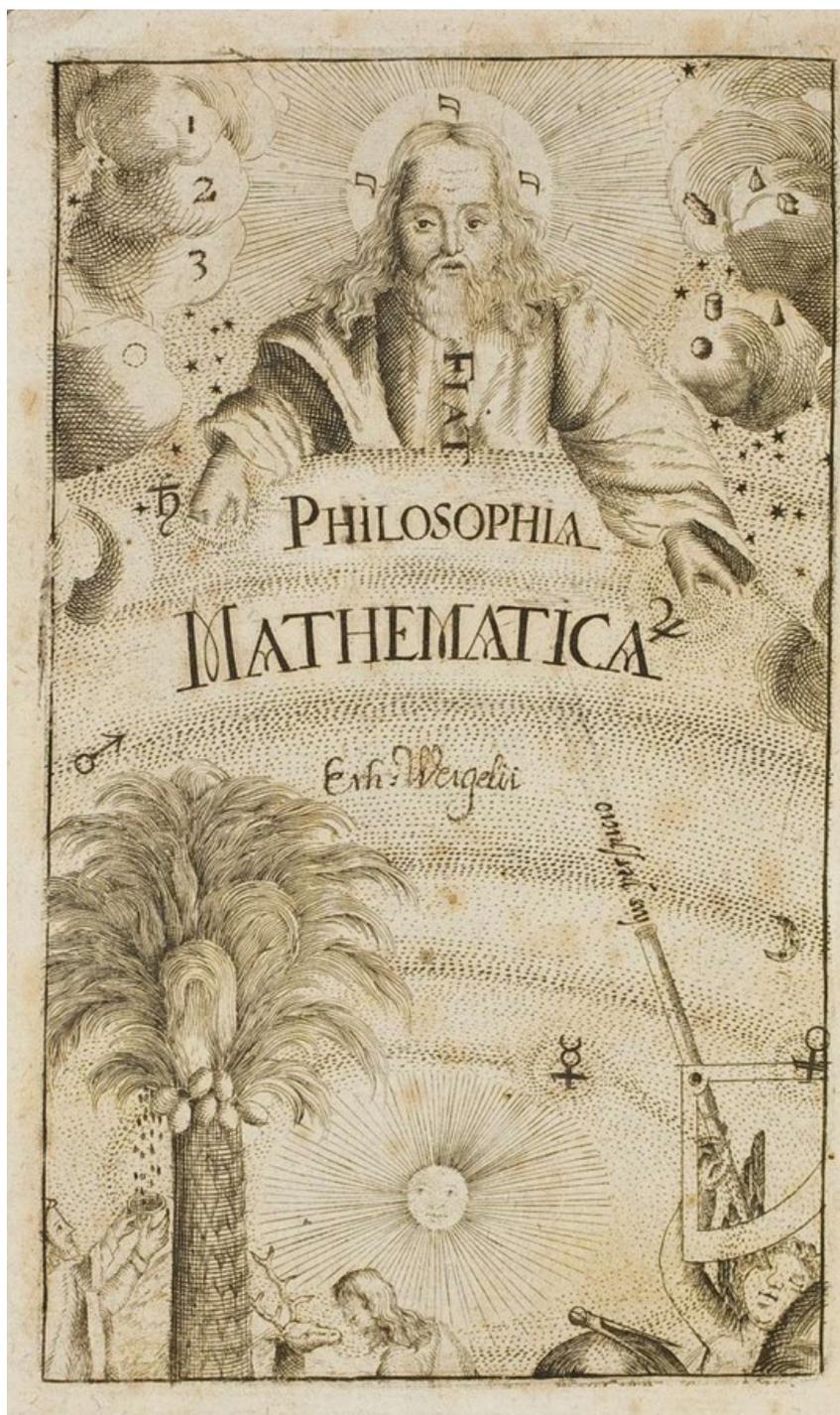

Рис. 2: Фронтиспис из издания: *Weigel E. Philosophia mathematica, theologia naturalis solida, per singulas scientias continuata, universæ artis inveniendi prima stamina complectens. Jena, 1693.*

непосредственной связью с Богом, как и на фронтисписе Вайзе. Более того, именно эта конусовидная связь оказывается защитой на пути стрелы, направленной в даму-истину. Правда, путь молящегося к истине оказывается не прямым секулярным путем к даме-истине, а прямым путем к Богу, благодаря которому человек и обретает истину.

3. «Немецкая логика» Хр. Вольфа: равенство и справедливость логики

Свою «Немецкую логику», ознаменовавшую начало целой серии немецкоязычных учебников по разным философским дисциплинам, Вольф сопроводил символической иллюстрацией (см. рис. 6), содержащей, однако, не немецкое, а латинское изречение «Discernit pondera rerum», переведенное в середине XVIII века на русский как «Всем вещам есть развес» (см. рис. 5). Это изречение относится к весам, парящим под облаками и держимым выступающей из небес рукой, в стиле кролика-утки Людвиг Витгенштейна одновременно выглядящей и как шея, и голова птицы. В русском издании эта двусмысленность, впрочем, устранена в пользу руки с отчетливо просматривающимися пальцами, хотя подобные фронтисписы можно найти и в некоторых из многочисленных немецких прижизненных изданий этого произведения.

«Разумные мысли о силах человеческого рассудка и их правильное употребление в познании истины» нацелены на то, чтобы оценить подлинный вес всякой вещи, т. е. всего того что возможно, причем на одних и тех же весах человеческого рассудка, который един для всех людей независимо от пола, возраста, профессии... Правда, это желание положить на весы все вещи, включая и те, которые, возможно, не подлежат взвешиванию или которые по меньшей мере не стоило бы взвешивать, могут свидетельствовать и о „мелкобуржуазной“, „лавочнической“ претензии Вольфа. Если бы об этом в свое время знал Генрих Гейне, возможно, он бы дополнил как раз Вольфом свое язвительное, хотя философски и легковесное сравнение Максимилиана Робеспьера и Канта: «...тип мещанина в высшей степени выражен в обоих: природа предназначила их к отвешиванию кофе и сахара, но судьба захотела, чтобы они взвешивали другие вещи, и одному бросила на весы короля, другому — Бога... И они взвесили точно!» (Гейне 1994: 139).

Немаловажно для понимания фронтисписа Вольфа то обстоятельство, что весы находятся в состоянии равновесия. Для того чтобы продемонстрировать иные варианты, имеет смысл обратиться к фронтиспису сочинения юриста XVII века Гуго де Роя «О том, что такое справедливость» (см. рис. 7). В одном из поздних изданий этого сочинения, в 1670 году (De Roy 1670), в центре фронтисписа также располагаются весы в небе, которые держит протянутая из облаков рука. На обоймице весов начертано имя автора — Гуго де Роя, на плечах весов написано название трактата — «О том, что такое справедливость», а чаша весов с честностью сильно перевешивает чашу весов с пользой. Для «Немецкой логики» важен

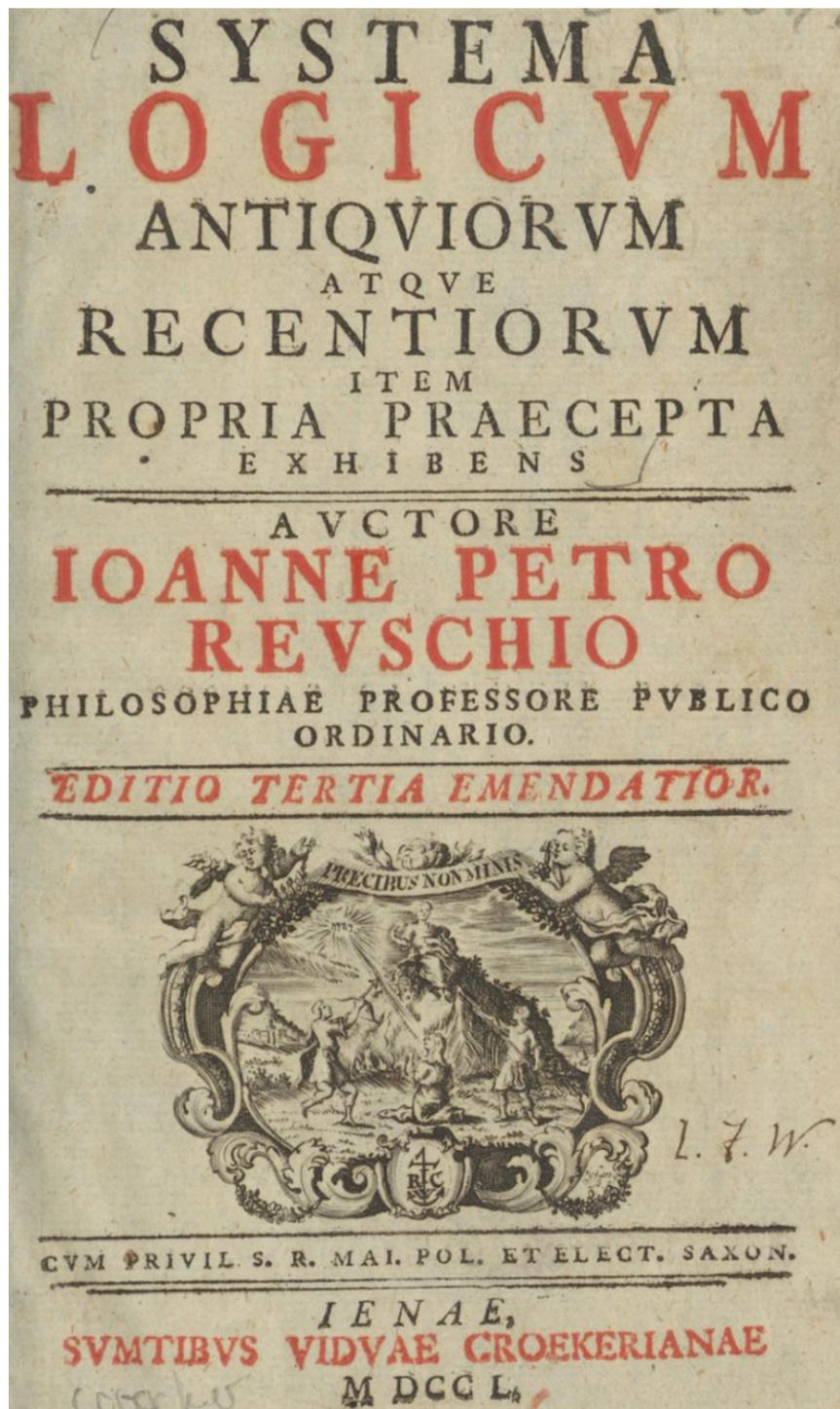

Рис. 3: Титульный лист издания: *Reusch J. P. Systema logicum antiquiorum atque recentiorum item propria praeccepta exhibens. Jena, 1750.*

Рис. 4: Фрагмент титульного листа издания: *Reusch J. P. Systema logicum antiquiorum atque recentiorum item propria praescepta exhibens*. Jena, ³1750.

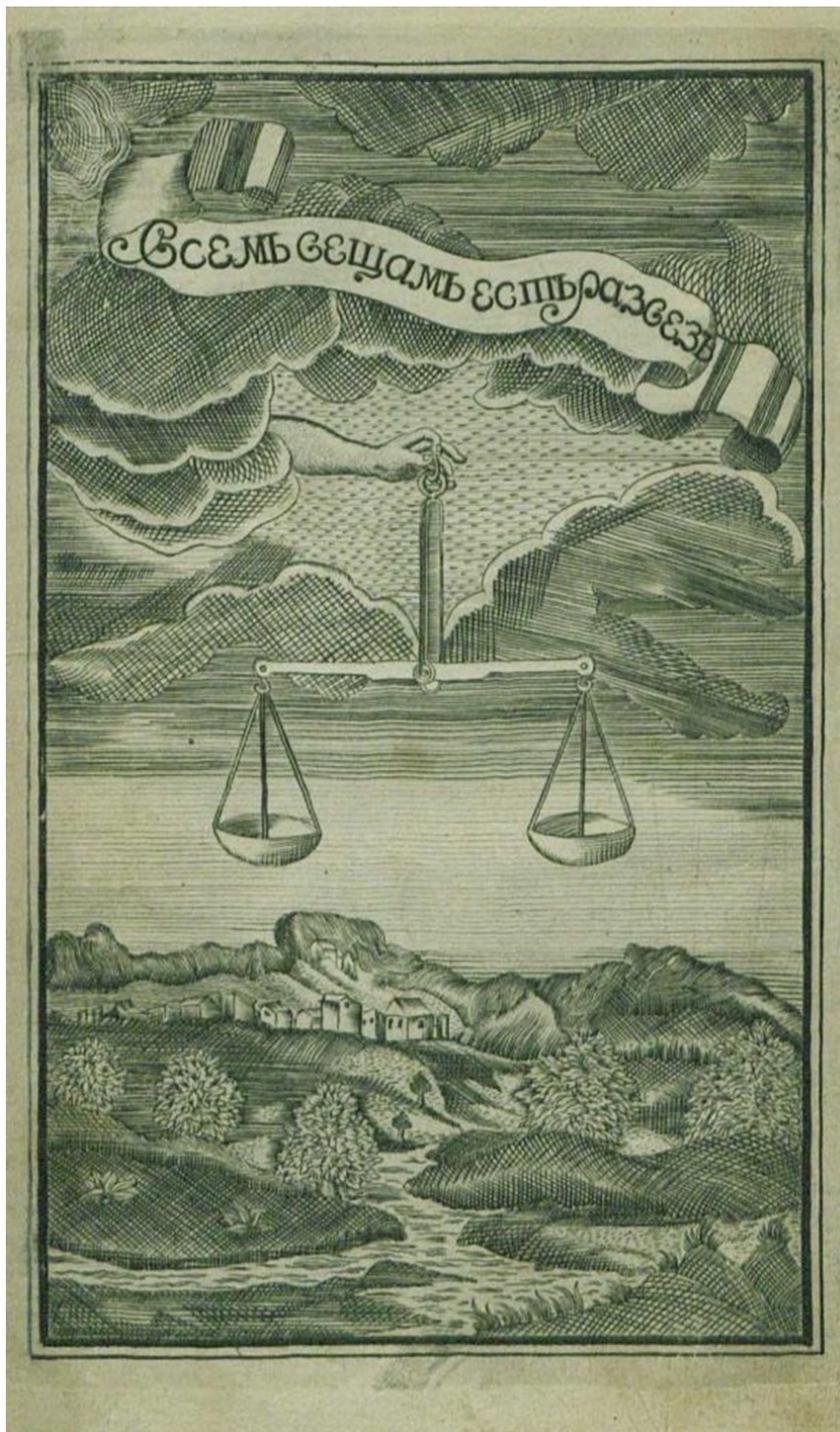

Рис. 5: Фронтиспис из издания: *Вольф Хр.* Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании правды, любителям оной изданы. СПб., 1765.

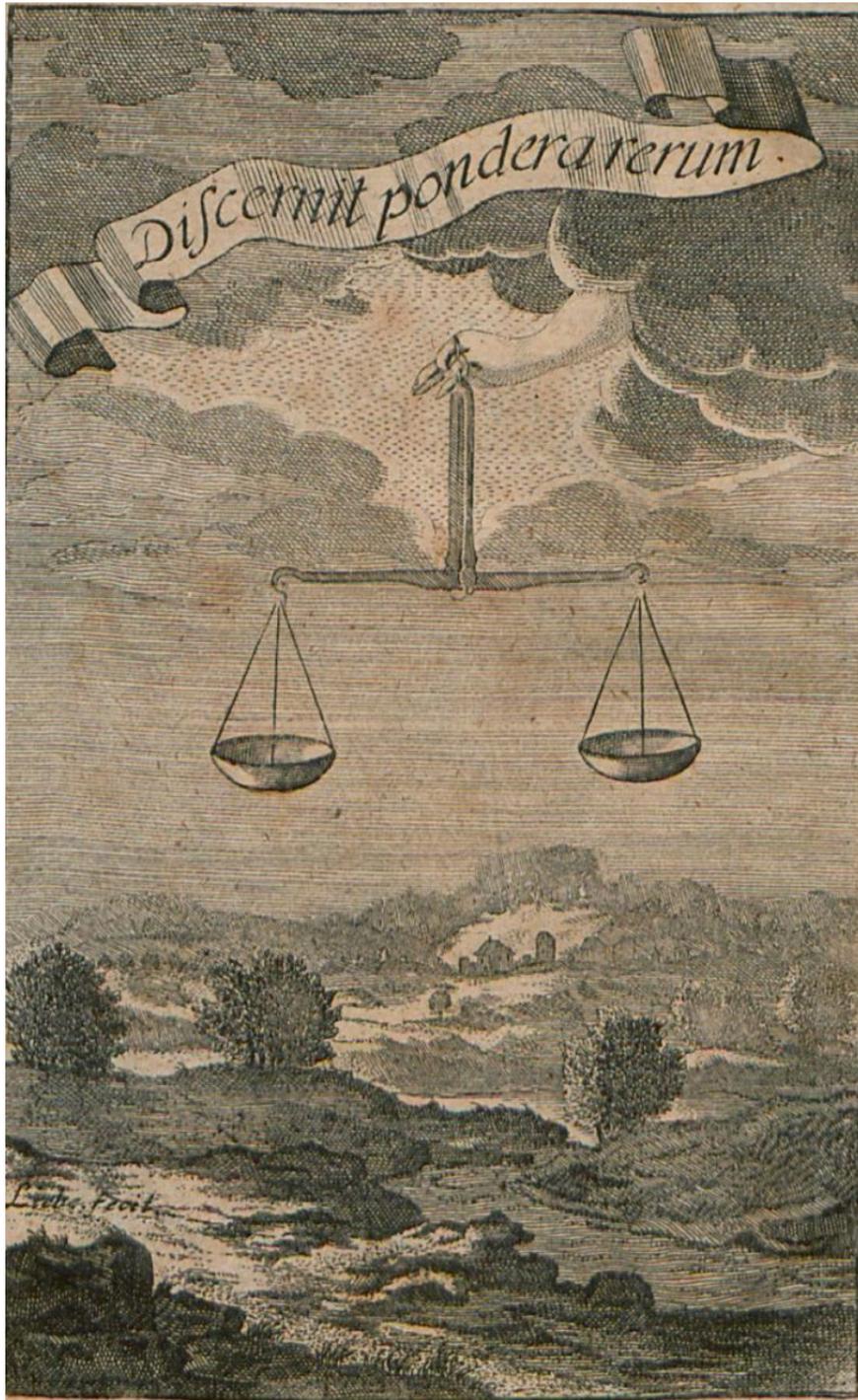

Рис. 6: Фронтиспис из издания: *Wolff Chr. Vernünfftige Gedancken von den Kräfften des menschlichen Verstandes und ihrem richtigen Gebrauche in Erkänntnis der Wahrheit.* Halle: Renger, ⁵1727.

иной смысл, а именно равенство. Само это изображение восходит своими корнями к одной из аксiom, или одному из символов Пифагора: «Через весы не переступать — значит, равенства и справедливости не переступать» (Диоген Лаэртский 1986: 311. VIII 18). В латинском варианте «*ne stateram transilias*» это приписываемое Пифагору изречение даже стало издательским «логотипом» книгоиздателя из Халле Иоганна Готфрида Ренгнера (1696–1718), опубликовавшего значительное число философских работ немецких просветителей. В качестве примера я приведу титульный лист сочинения по логике Николауса Иеронима Гундлинга (1671–1729) под названием «Путь к истине», первая часть которого носила подзаголовок «Искусство правильного мышления» (см. рис. 8). Саму логику Гундлинг, ученик Томазия, понимал как искусство открытия истины, или правильного мышления, или врачевание ума (Gundling 1713: 10. § XXXVI). Латинское же изречение «*ne stateram transilias*» с титула вместе со сходным изображением присутствует также в толковании эмблем и символов в издании 1693 года (Offelen 1693: 19. № 7)⁸. Человеческий рассудок, оснащенный логикой, и является у Вольфа этим всеобщим мерилom, благодаря которому все может пребывать в равновесии. С современной точки зрения нам кажется странным то, что к логике имеет какое-то отношение справедливость. Но, если пристальнее посмотреть на те задачи, которые ставили перед философией Вольф и его последователи, — в частности, способствовать всеобщему счастью людей, — и учесть, что логика являлась у Вольфа частью философии, недоумение отпадет само собой.

Однако это понимание логики в поздних работах Вольфа претерпело некоторое развитие — точнее, это относится к видению роли и функции своей собственной философии. Если на фронтисписе «Немецкой логики» 1713 года весы находятся в ведении некоей божественной инстанции, и она напрямую общается с земными существами, а человеческий рассудок позволяет взвешивать все вещи и земным смертным, то в 1737 году, в сборнике небольших работ Вольфа по логике (*Vernunftlehre*) (Wolff 1737) фронтиспис претерпел заметные изменения (см. рис. 9). В проем затемненной комнаты (шторы окна задернуты) сверху падает луч света, который попадает на некий волшебный фонарь. Он, в свою очередь, проецирует на стену изображение фронтисписа «Немецкой логики» с весами и латинским изречением «*Discernit pondera rerum*». Вероятно, Вольф тем самым желал особо подчеркнуть просвещающую и опосредствующую роль своей собственной философии, без которой исходная картинка напрямую просто не могла бы и появиться. Об этой роли вольфианской философии говорит и подпись под фронтисписом: «Малое здесь делается большим, смутное — светлым, однако неизменными сохраняются картина и цвет».

Является ли при этом логика наукой, искусством, учением и пр. — немецкий

⁸Помимо изречения «*Stateram ne transilias*», иные варианты на других языках для равновесных весов звучат здесь так: «*Nicht über das Ziel*», «*Sois neutre dans les intérêts de la Justice*» и «*Sii uguale nella Giustizia*».

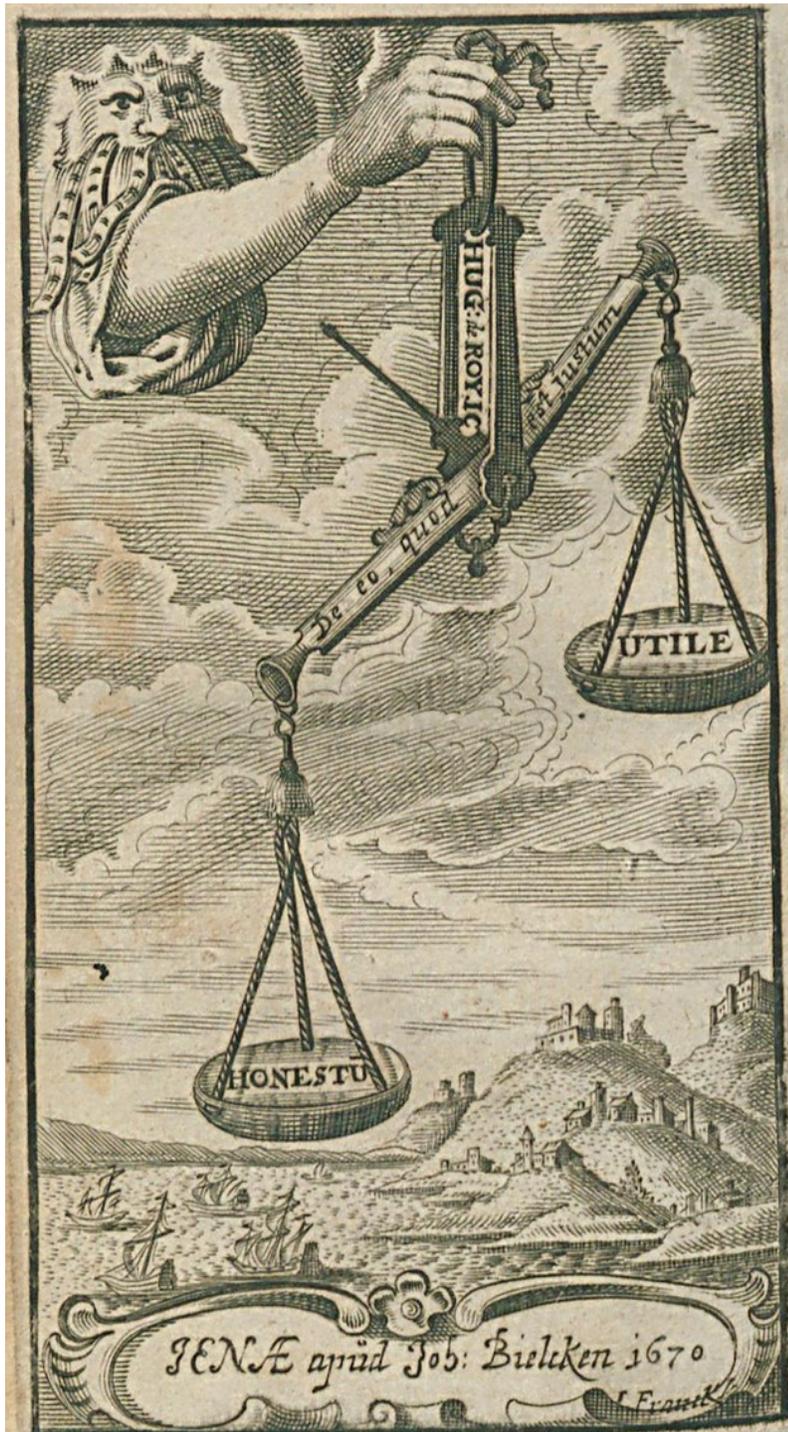

Рис. 7: Фронтиспис из издания: *De Roy H. De eo, quod justum est, et circa id de philosophiae, theologiae & jurisprudentiae syncretismo, libri tres.* Jena, 1670.

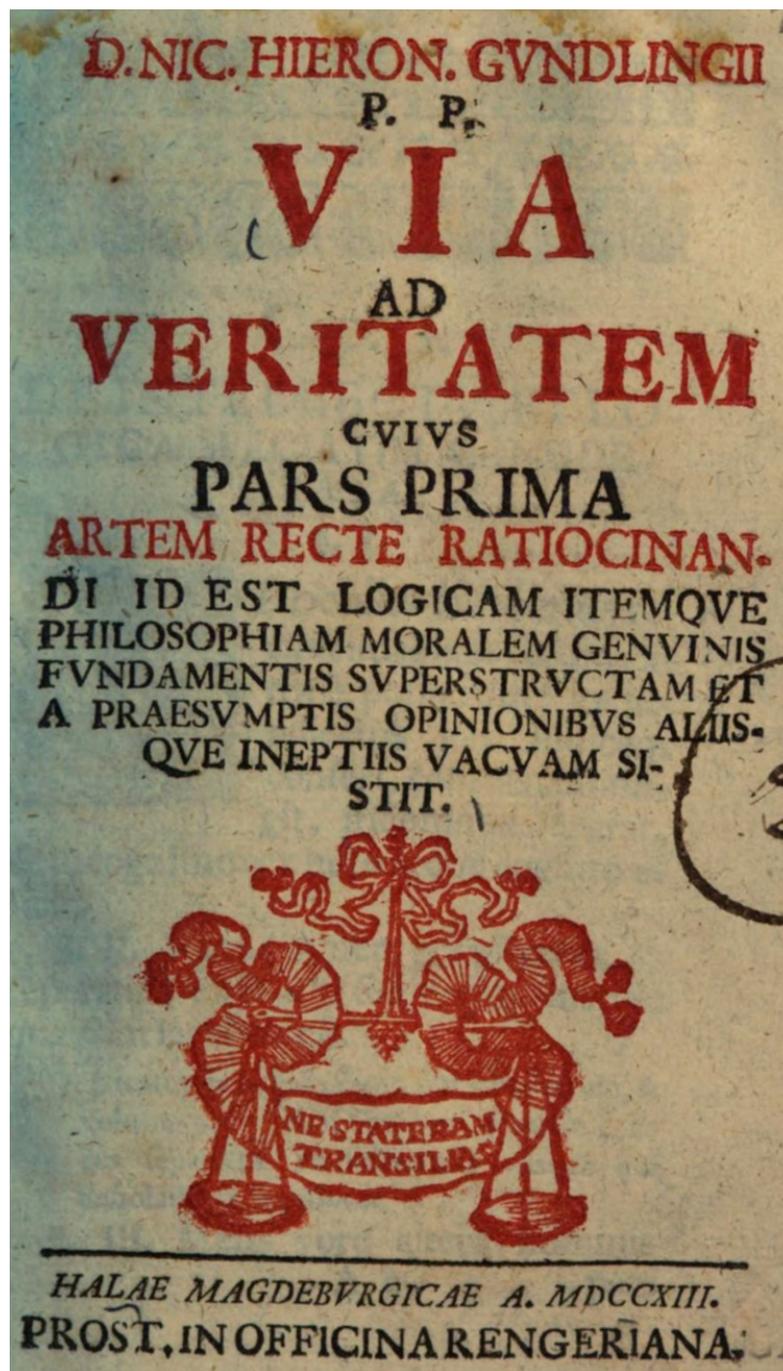

Рис. 8: Гравированный титульный лист из издания: *Gundling N. H. Via ad veritatem civis pars prima artem recte ratiocinandi id est logicam itemque philosophiam moralem genuinis fundamentis superstructam et a praesumptis opinionibus aliisque ineptiis vacuum sistit.* Halle, 1713.

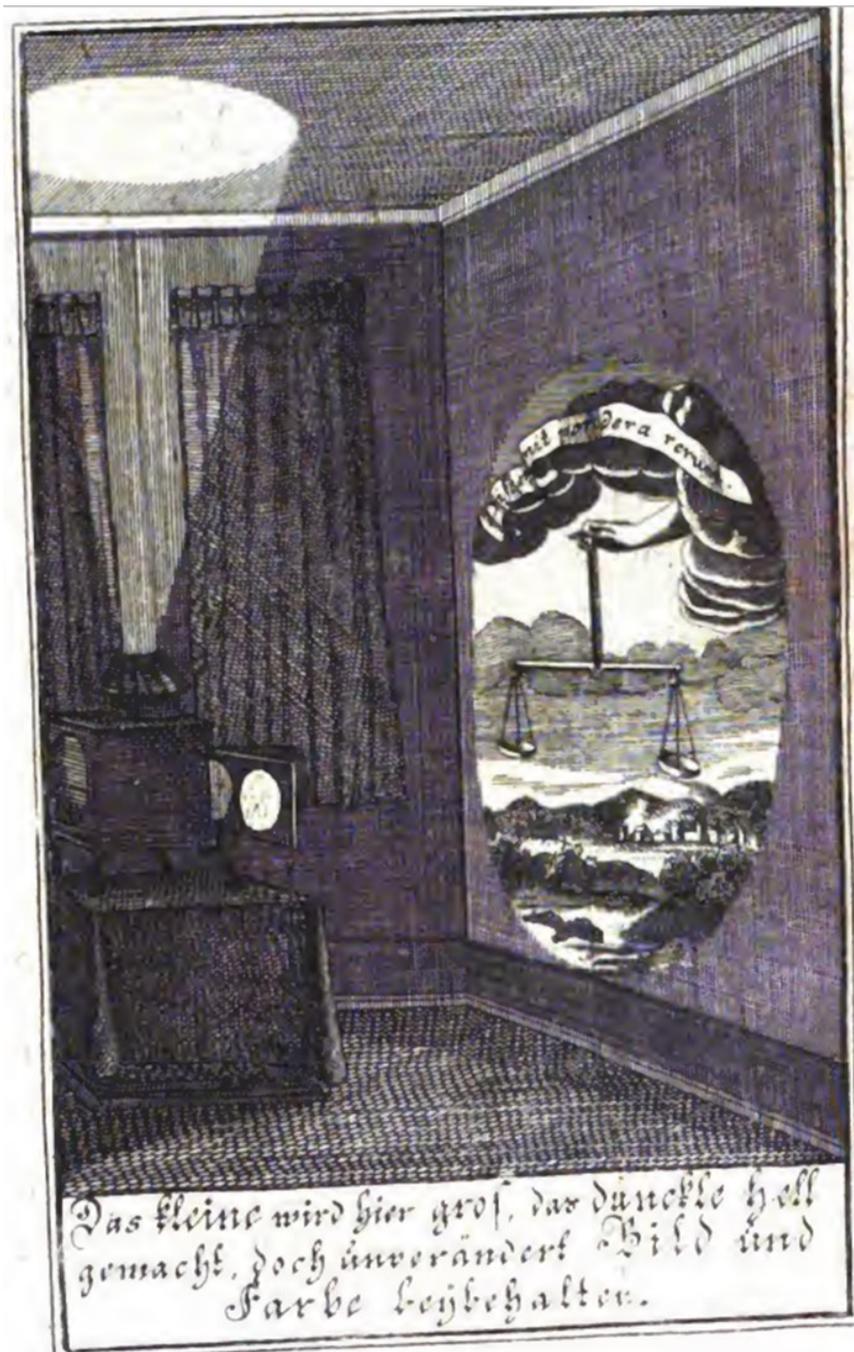

Рис. 9: Фронтиспис из издания: *Wolff Chr. Gesammelte kleine philosophische Schriften, welche bisher meistens lateinisch im Druck heraus waren, Zweyter Theil, darinnen besonders die zu der Vernunftlehre gehörigen / Zusammengetragen, übersetzt und mit nöthigen und nützlichen Anmerkungen versehen worden sind von G. F. H. Halle, 1737.*

язык позволил Вольфу элегантно избежать этого вопроса и не вступать в соответствующие споры. Но, как только Вольф стал излагать свои представления о логике на латинском языке, а именно в трех изданиях своей латинской логики, строгие канонические формулировки латыни сразу же не позволили ему этого сделать, а поэтому логика сразу же оказалась у него здесь наукой (*scientia*) об управлении способности познания в познании истины (Wolff 1740: 30. § 61), трактованной по научному методу (*methodo scientifica pertractata*).

4. «Введение в придворную философию» Хр. Томазия, «Синтетическая философия» и «Чувство истинного и ложного» А. Рюдигера, «Путь к истине» И. Г. Дарьеса: логика как путь к истине

Немецкая логика Томазия, представленная в двух его трактатах учения разума — «Введение в учение разума, в котором благодаря легкой и всем разумным людям, какого бы сословия или пола они не были, понятной манере показывается путь без силлогистики отличать друг от друга истинное, вероятное и ложное и находить новые истины» (Thomasius 1691a) и «Применение учения разума, или Короткие, отчетливые и хорошо обоснованные приемы, какими расчищают свою голову и делают себя искусными для исследования истины: как следует сообщить познанную истину другим; понимать и истолковывать других; судить о мнении других, и ловко опровергать заблуждения; в котором указывается на повсеместно и общераспространенно имеющие хождение в наши дни заблуждения» (Thomasius 1691b), — явилась развитием тех идей, которые были представлены еще в раннем латинском произведении «Введение в придворную философию» (Thomasius 1688). Позднее Томазий утверждал синонимию «*Vernunftlehre*» с латинским термином «*philosophia aulica*», «придворной философией» (Thomasius 1691a: 71), при переводе на немецкий язык выраженной как «*Hoff-Philosophie*» (Thomasius 1710; Thomasius 1712).

Именно «Придворную философию» предваряет впечатляющий фронтиспис, наглядно доносящий до читателя основные идеи Томазия (см. рис. 10). Фронтиспис показывает момент выбора Томазией правильного пути к истине и изображает в деталях подзаголовков всего произведения: «Краткий набросок и первые линии о благоразумии мыслить и разумно умозаключать, в котором показывается срединный путь, каким образом следует находить истину между предрассудками картезианцев и нелепым вздором перипатетических мужей». Срединный путь Томазия — это путь самостоятельного мышления, и тем самым появляется один из главных лейтмотивов всей философии немецкого Просвещения. Этот путь пролегает между старой аристотелевской метафизикой, олицетворяемой группой старомодно одетых в черные мантии немолодых ученых с молодящейся дамой преклонных лет на скромном стуле на фоне чахнувшего дерева, и мнимой истинной картезианской философией, оказывающейся всего лишь отражением в зеркале («предрассудки»

Рис. 10: Фронтиспис из изданий: *Thomasius Chr. Introductio ad philosophiam aulicam, seu lineae primae libri de prudentia cogitandi et ratiocinandi ubi ostenditur media inter praëiudicia Cartesianorum, & ineptias Peripateticorum, veritatem inveniendi via.* Leipzig, 1688; *Thomasius Chr. Einleitung Zur Hoff-Philosophie, Oder, Kurtzer Entwurff und die ersten Linien Von Der Klugheit zu Bedencken und vernünfftig zu schliessen: Worbey die Mittel-Strasse, wie man unter den Vorurtheilen der Cartesianer, und ungereimten Grillen der Peripatetischen Männer, die Warheit erfinden soll, gezeiget wird.* Statt eines Anhangs ist noch hinzu gekommen Herrn Ulrich Hubers, Eines berühmten Niederländischen Rechtsgelehrten, gehaltene Rede Von dem Laster der Pedanterey / Aus dem Lateinischen ins Teutsche übersetzt von P. D. Berlin, ²1712.

и «претенциозные мудрствования картезианцев» (Thomasius 1712: Vorrede An den Leser; Thomasius 1702: Praefatio ad lectorem)), прислоненном к стволу дерева, кроны которого почти не видно. Сам же Томазий изображен со шпагой, светски и галантно одетым. Именно в таком облачении, т. е. в яркой современной модной одежде и со шпагой в золотой перевязи, он и стал появляться при чтении лекций в университете Халле (Wohlmeinendes Gutachten 1701: 317; Dernburg 1865: 13). Вопреки уговорам двух советчиков пойти в сторону аристотеликов или картезианцев Томазий выбирает срединную дорогу прямо к истине – прекрасной даме на царствующем троне в окружении молодых людей, модно и с шиком одетых и носящих шпаги.

То, что Томазий решительно отвергает как перипатетиков, так и картезианцев, пытаясь найти срединный путь, в определенной степени оказывается результатом того развития, начало которому положил еще сам Декарт своей решительной критикой Аристотеля. Это отношение прекрасно иллюстрирует гравюра конца XVII века (см. рис. 11) — приблизительно того времени, когда и возникла «Придворная философия» Томазия. На ней изображен Декарт, сидящий за письменный стол и работающий над новым трактатом с гусиным пером в руке. В качестве подставки для ног он демонстративно использует огромный фолиант, название которого от зрителя скрыто, но автор недвусмысленно указан — Аристотель.

Следующим смысловым шагом после изображения Декарта, поставившего ногу на беспомощно лежащий на полу трактат Аристотеля, явилась работа французского философа и теолога Пьера Пуаре (1646–1719) под названием «Об учености основательной, поверхностной и ложной», которую Томазий издал, присовокупив собственную диссертацию, а также добавив фронтиспис (см. рис. 12). Пуаре, начав с серьезного увлечения картезианством, перешел в данной работе к серьезной критике Декарта. И хотя Томазией, похоже, даже и критикующего Декартову философию Пуаре относит все еще к картезианству, к его критике автора «Рассуждения о методе» он соглашается. Фронтиспис изображает внизу темную пещеру — явная отсылка к «Государству» Платона. В этой пещере на дне во мраке навалены различные фолианты, среди которых особенно выделяется «Органон» Аристотеля. Те, кто пытаются из пещеры выбраться, штурмуют скалу, на которой, в отличие от «Придворной философии», стоит не зеркало, олицетворяющее картезианство, а картина, но со скалы страждущие срываются вниз, в пещеру. Другие же, выбравшиеся из пещеры, безуспешно пытаются проникнуть за закрытую дверь. Наверху же, в лучах Солнца, располагается подлинная фигура, которая изображена на картине-ловушке. Правда, и эта фигура скорее напоминает языческого божка. На этом фронтисписе, инспирированном Томазией, в духе Пуаре изображена уже критика и Аристотеля (фолиант в пещере), и Декарта (активные поиски с опорой на разум, высокомерное принятие тени и видимости за истину) — собственный рецепт Пуаре, исходящего из болезни человеческого разума, состоит в пассивном уме, просвещаемым божественным озарением. Фронтиспис «Придвор-

Рис. 11: Рене Декарт. Гравюра К. А. Хеллеманса и И. Тангены. Конец XVII в.

ной философии» с тремя альтернативными путями явился третьим смысловым шагом, придав этому процессу законченность.

Тот факт, что «срединный путь» есть важная мысль как раз отвергаемого Аристотеля, Томазия при этом не смущает. С языковой и культурной точки зрения любопытны и претензии Томазия к аристотеликам: нелепый «вздор» (*ungereimte Grillen*) буквально означает сверчков, и если переводить этот оборот на русский язык образно, то у аристотеликов, согласно Томазию, полно тараканов в голове. Срединный путь Томазия — это путь против господствующего «педантизма» в философии и ее неспособности к «галантности», путь приближения философии к «придворным мужам», сторонящимся ее изучения в имеющемся виде. Перед реформированной логикой этого томазианского пути стоит следующая задача: «...могу ли я сделать наглядными очевидные ошибки распространенных *логик*, и показать прямой и легкий путь разумно умозаключать, который при этом будет свободен от школьно-педантских терний и волчцов⁹ (ибо у меня нет необходимости в их употреблении, так как моя *логика* не снабжена никакими мнемоническими приемами), чтобы тогда, когда эта благородная *дисциплина* была бы очищена от такой неуместной блажи, придворные люди, привыкшие к чистоте, не испытывали бы больше такого большого отвращения к изучению философии»? (Thomasius 1712: Vorrede An den Leser; Thomasius 1702: Praefatio ad lectorem). Томазий понимает логику как благоразумие направлять наши мысли к последовательному обретению истины как природных, так и моральных предметов, сообщать истину другим, воспринимать соответствующие основания других, сравнивать их с собственными мыслями, и делать все это на основе умения, справедливости и пользы (Thomasius 1712: 118–119. § 26; Thomasius 1702: 95–96. § 26). Вопрос о том, является ли логика только лишь инструментом философии или же частью философии, он оставляет праздным людям, хотя сам тут же и добавляет от себя, что не видит здесь никакого противоречия, ибо инструмент может сам являться частью (Thomasius 1712: 120. § 29; Thomasius 1702: 97. § 29).

Если у Томазия выбор между старо- и новомодным — это выбор пути и направления, олицетворяемыми в том числе и соответствующими одежаниями, то ученик Томазия Андреас Рюдигер (1673–1731) выразил этот же выбор буквально в виде выбора одежды. Фронтиспис первого издания его «О чувстве истинного и ложного» (Rüdiger 1709), а также тот же самый фронтиспис в его «Основаниях учености или синтетической философии» (Rüdiger 1711) (см. рис. 13) изображает две возможности по приобретению одежды: в лавке старьевщика (*Veterarius*) под козырьком на улице, в которой нет никаких покупателей, а сам продавец одет в товар из собственного магазина, ущербный с точки зрения как качества, так и эстетического вида (*re specie que saeant*), или же в светлом просторном каменном магазине (*Novator*), в котором нет отбоя от модно и современно одетых мужей

⁹См.: Быт. 3:18.

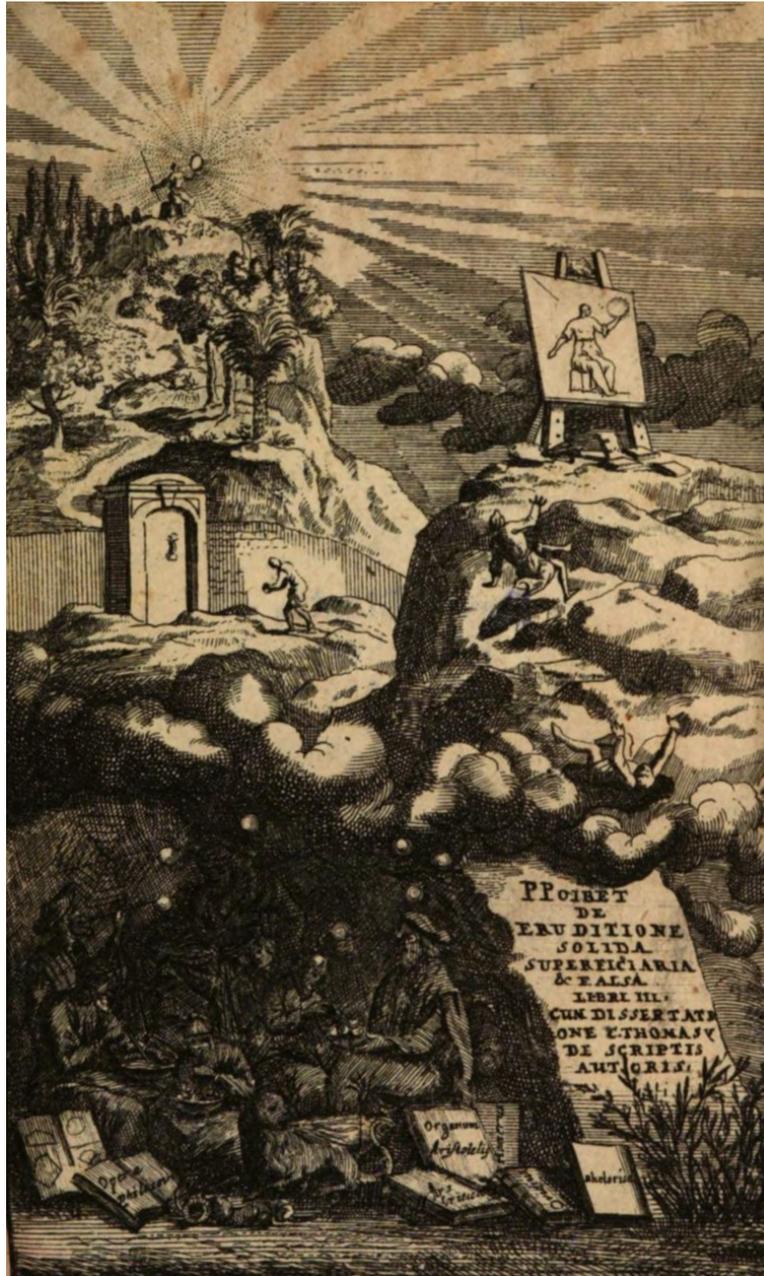

Рис. 12: Фронтиспис из издания: *Poiret P. De eruditione triplici solida, superficialia et falsa libri tres. In quibus veritatum solidarum origo ac via ostenditur; tum cognitionum scientiarumque humanarum, & in specie Cartesianismi, fundamenta, valor, defectus et errores deteguntur. Præmittitur Vera Methodus Inveniendi Verum, Confutationem fundamentorum libri Belgici de Mundo fascinato in fine obiter exhibens. Subnectuntur nonnulla Apologetica / Editio Nova cui accessit Chr. Thomasi, Jcti Dissertatio de Scriptis Auctoris.* Frankfurt, 1794.

со шпагами, а элегантно одетый продавец, вероятно, обсуждает даже индивидуальный пошив на заказ. В отличие от товаров старьевщика, товары в магазине нравятся и своим внешним видом, и своими материалами (*re specie que placent*). В каком из этих магазинов одевался Томазий, ясно само собой. И если фронтиспис Рюдигера в первом издании «О чувстве истинного и ложного» благодаря своему заголовку еще находится в русле Томазия — подзаголовок названия говорит нам о том, что в произведении силлогистическая мудрость очищается от предрассудков аристотеликов и картезианцев и снабжается многими новыми и необходимыми для истинной учености рассуждениями (Rüdiger 1709), — то в «Синтетической философии» в силу отсутствия подзаголовка уже остаются лишь две группы: «старые» и «новые».

Логике Рюдигер понимает как доктрину на основе естественного света об общей природе и сущностных свойствах истины, а также о том, каким образом отсюда вытекает чувство истинного и ложного (Rüdiger 1711: 7). И начиная со второго издания «О чувстве истинного и ложного» (Rüdiger 1741) претензии Рюдигера усиливаются еще больше. Теперь он уже не просто противопоставляет свое новое некоему коллективному старому без разбора, но, похоже, противопоставляет и себя самого всем остальным, выражая это заменой фронтисписа (см. рис. 14), изображающего уже некий путь, значение которого понять весьма непросто. За чертой города в чистом поле изображена странная процессия гончаров, вокруг которой раздается треск разбиваемых сосудов, а земля усыпана черепками. Все, кроме одного, первого ремесленника-демиурга, — обезумевшие гончары с искаженным выражением лица, с криком и треском разбивающие творения своих рук — глиняные горшки. И лишь первый, идущий во главе процессии гончар с благостным выражением лица бережно хранит в руках созданный им горшок. Фронтиспис сопровождает надпись «*Frustra crepitante furore Qua ruitis figuli!*», подчеркивающая напрасность этого разрушительного действия обезумевших гончаров¹⁰. Вслед за Вольфгангом Шнайдерсом можно предположить, что фронтиспис отсылает к тексту Ветхого Завета, в котором (Быт. 2, 7; Исаия 45, 9; 64, 8) Бог уподобляется гончару, создавшему человека из праха земного, из глины. В этом случае уже сама философия уподобляется гончарному искусству, а философ — гончару. Однако правильное применение и сохранение своего творения доступно далеко не каждому философу, а лишь таким, как Рюдигер. При этом Рюдигер, идущий во главе процессии гончаров, напоминает еще и единственного зрячего, ведущего за собой в качестве поводыря слепых. Другой смысл этой процессии проясняется из эпиграфа самого Рюдигера, взятого из Цицерона (*De inventione*. I, 5) (Rüdiger 1741: Б. п.): тот человек кажется достигшим чего-то наиболее выдающегося, кто отличается от других людей в той способности, которой люди как таковые отличаются от животных, и различение истинного и ложного в данном случае как раз

¹⁰См. толкование этого изображения (Schneiders 1990: 69 Anm.).

Рис. 13: Фронтиспис из изданий: *Rüdiger A. De sensu veri et falsi Lib. IV. in quibus sapientia ratiocinativa á præjudiciis Aristotelicis & Cartesianis purgatur, multisque novis & ad Veram eruditionem necessariis meditationibus mactatur. Halle, 1709; Rüdiger A. Institutiones eruditionis, seu philosophia synthetica tribus libris, de sapientia, justitia, et prudentia, methodo mathematicae aemula, breviter et succincte, comprehensa. Halle, 1711.*

и оказывается такой способностью.

На фоне подобного замысловатого фронтисписа гравированный титульный лист сочинения первоначально вольфианца, а затем скорее антивольфианца Иоахима Георга Дарьеса (1714–1791) «Путь к истине» (Darjes 1764) кажется простым до неприличия (см. рис. 15), к тому же не уникальным, а присутствующим и на других произведениях Дарьеса, что говорит в пользу издательского знака. Но в случае именно этой работы он подходит как нельзя лучше. Спустившаяся с неба на облаке богиня в доспехах и с копьем — а таким образом обычно изображается богиня мудрости Афина или Минерва в древнеримском варианте — указывает находящемуся в поиске мужу путь к храму истины, приоткрывающемуся за растениями и освещенному солнечными лучами. Сам же храм истины своим внутренним убранством так и остается здесь неизвестным. Этот же сюжет был использован и при чеканке юбилейной медали в честь пятидесятилетия преподавательской деятельности Дарьеса (см. рис. 16)¹¹. Золотая медаль была отчеканена известным берлинским чеканщиком Авраамом Абрамсоном, изготовившем также и знаменитые юбилейные медали на шестидесятилетие и на смерть Канта. В отличие от гравированного титульного листа сочинения Дарьеса, на медали иное соотношение искателя истины и Афины-Минервы, стоящей на земле и без копья, а также нет никаких преград или препятствий на пути к храму истины. Правда, и на медали внутреннее убранство храма остается неизвестным. Кроме того, изречение «*via ad veritatem*» дополняется здесь еще одним — «*pietatis monumentum*», памятником благочестия. Способность познавать истину Дарьес называет разумом, или естественной логикой. Культивирование же этой естественной способности приводит к науке — «научной логике, пути к истине, философии о разуме, искусству мыслить, пути к нахождению истины, и т. д.» (Darjes 1776: 9. § 10). В других случаях Дарьес именуется логиком «искусством самостоятельного мышления» (Darjes 1776: 18, 19). Из написанного Дарьесом краткого описания своих предыдущих сочинений становится очевидным, что и он в поздние годы рассматривает логику, искусство мышления, искусство разума и прочие альтернативные названия уже как синонимы.

Литература более легкого жанра того времени могла себе позволить гораздо больше вольности в изображении самого храма истины нежели логические трактаты. Это относится к книге французского писателя Эсташа Ле Нобле (1643–1711) под названием «Мир, ищущий истину в колодезе истины». На фронтисписе (см. рис. 17), согласно письменному разъяснению (Le Noble 1700: *Erklärung des Kupfer-Tituls*. Б. п.), мы видим различные альтернативные представления об истине. Философ справа с факелом, не названный по имени, пытается найти истину в мире, в котором тысячи раз было повторено, что никакой истины нет: где истина (*ubi*

¹¹ Хотя на копии медали отчеканен 1785 год, указанный и в описании оригинала, само празднование состоялось в 1786 году (Scheidemantel 1786; Schlichtegroll 1794: 301 Anm.; Meusel 1803: 284). См. описание медали (Hauschild 1803: 29. № 208).

Рис. 14: Фронтиспис из издания: *Rüdiger A. De sensv veri et falsi, libri IV. Leipzig, 1741.*

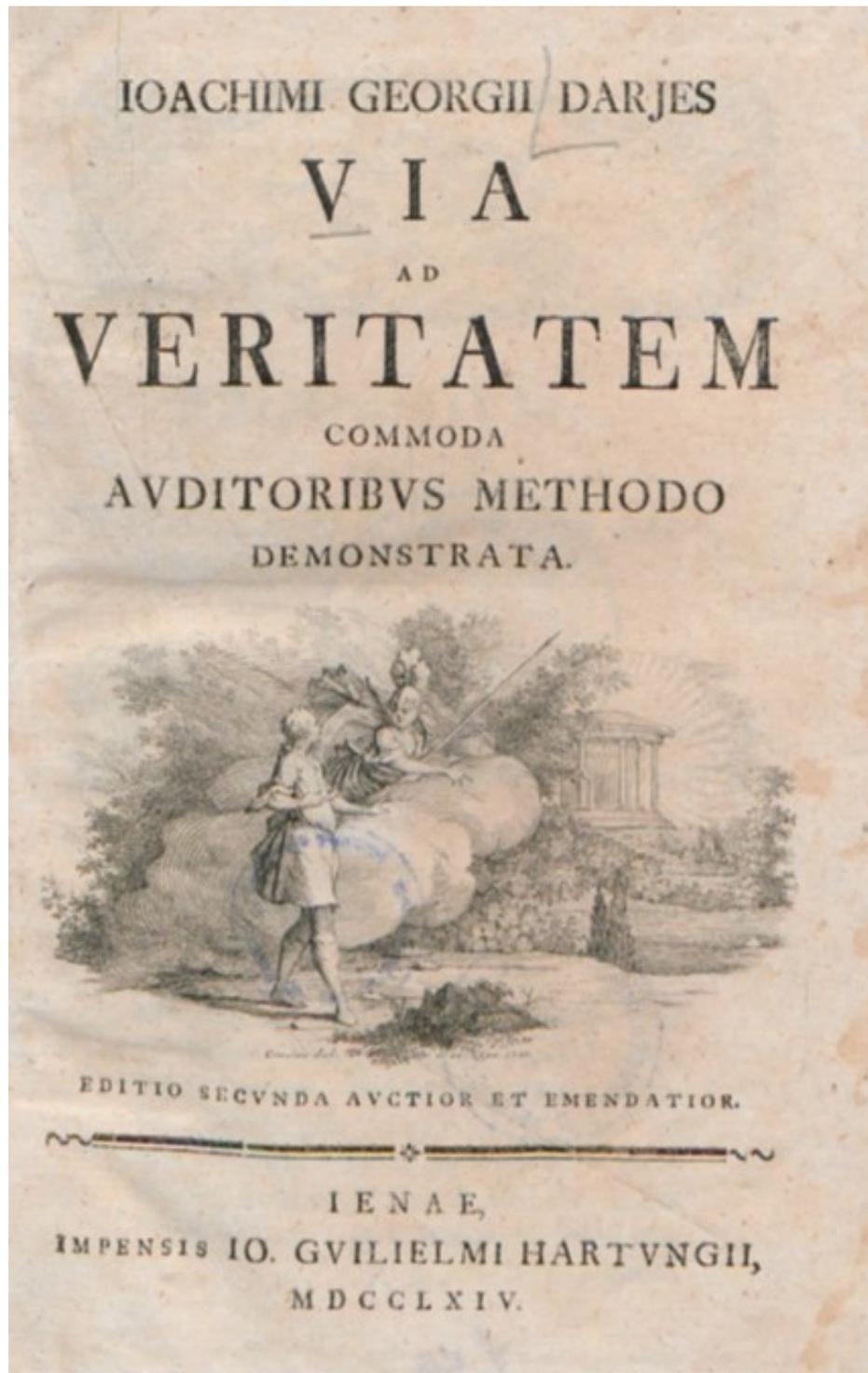

Рис. 15: Титульный лист издания: *Darjes J. G. Via ad veritatem commoda auditoribus methodo demonstrata*. Jena, ²1764.

Рис. 16: Копия медали чеканки А. Абрамсона к 50-летию преподавательской деятельности И. Г. Дарьеса в 1786 г.

veritas)? Демокрит при помощи смеха желает сделать истину снова привлекательной. Диоген, напротив, считает, что винная бочка есть лучшая кафедра истины (*in fundo veritas*), предпочитая ее трону Александра в роскошных дворцах. Хитрые придворные люди внизу слева считают, что виноград и его живительный сок могут воскресить похороненную истину (*in vino veritas*). Иные же настолько плохо думают о земле, что ищут истину на небесах (*hic vera veritas*). Автор же считает, что истина, будучи дамой, с которой обращались непозволительно, скрылась и спряталась, и счастлив будет тот, кто ее действительно найдет.

**5. «Доктрина логики» Хр. Вайзе, «Начала первой философии»
И. Я. Сирбия, «Прототеория всеобщей человеческой учености»
И. Хр. Ланге, «Введение в искусство открытия» И. Г. Дарьеса:
логика как искусство открытия новых истин**

Как найти истину, причем истину новую, доселе еще неизведанную, — это и стало той новой задачей, которую в Новое время регулярно ставили перед логикой и в связи с чем неоднократно была подвергнута обструкции силлогистика, которая хотя и в состоянии обосновать и систематически изложить уже открытые истины, но сталкивается с трудностями при нахождении новых истин. Понимание логики как пути в немецком Просвещении нередко уточнялось таким образом, что это был путь нахождения новых истин. Логика же служила некоей нитью Ариадны в

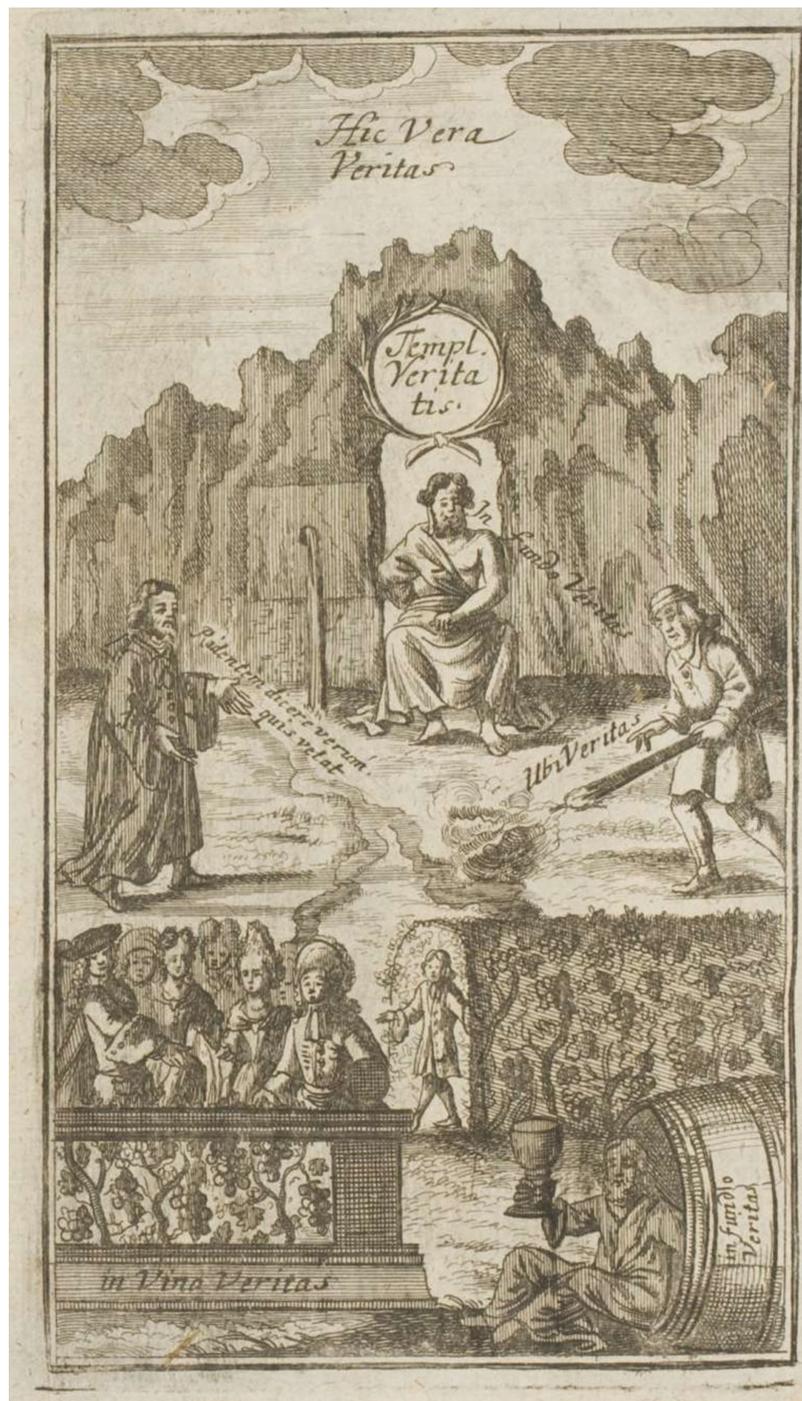

Рис. 17: Фронтиспис из издания: *Le Noble E*. Die Wahrheit suchende Welt In dem Brunnen der Wahrheit, Zur angenehmen Ergötzung Frantzösisch beschrieben, Par Mr. Noble Und wegen seiner Würde ins Hoch-Teutsche übersetzt von einem WahrheitLiebenden Freunde [*Chr. F. Hunold*]. Halle, 1700.

лабиринте, ключом от запертой двери, компасом на этом пути.

Христиан Вайзе сопроводил удивительными фронтисписами множество своих произведений, один из которых был уже рассмотрен выше. Его фронтисписы вполне заслуживают специального рассмотрения. Здесь же имеет смысл обратить внимание лишь еще на одну его работу — «Доктрину логики», в которой он наглядно показал не столько антропологическую природу и теологические предпосылки логики, как это было в «Курьезных вопросах логики», сколько ее инновационный характер. Фронтиспис (см. рис. 18) призван прояснить выраженное им в этой работе инструментальное понимание логики, согласно которому она — инструментальная дисциплина, наставляющая рассудок на некий правильный способ познания (Weise 1695: 1). Понять это изображение вне контекста горных работ того времени весьма затруднительно, а сравнение с некоторыми иллюстрациями из произведений по горному делу того времени показывают, чем был инспирирован этот фронтиспис (см. рис. 19, 20). Бородатый философ в далеко не профессорском одеянии идет по тропинкам за городской чертой, напоминающим некий лабиринт. На своем пути поиска философ руководствуется нехитрым прибором, в свое время широко распространенным, а ныне чаще всего выступающим примером лженаучного исследования. Классический автор XVI века, исследовавший вопросы горного дела — Георгий Агрикола (1494–1555) — описал эту практику следующим образом: рудоискатели «берут вильчатый прут за его рожки, сжимая руки в кулаки; при этом, однако, считается обязательным, чтобы сжатые в кулак пальцы были обращены к небу и чтобы прут тем концом, к которому сходятся оба его рожка, был приподнят кверху. Затем искатели руд с этими прутьями пускаются бродить по горным местам. Как они уверяют, лишь только они наступят на жилу, их прут поворачивается книзу, указывая им на месторождение, а лишь только они ногу отставят и отойдут от места этой жилы, он снова становится в их руках неподвижным. Так вот, по их утверждениям, причиной движения лозы и является некая присущая рудам сила, которая иногда столь велика, что наклоняет к себе даже ветви растущих поблизости деревьев» (Агрикола 1986: 24). Философ с лозой у Вайзе занимается поисками (*quaesita* в поле). В случае движения прута вниз такие искатели делают шурф в надежде обнаружить там искомое. Как минимум дважды на этом пути лоза уже сработала — в первом случае уже готова шахта с лебедкой, откуда, очевидно, уже добыто какое-то достаточное количество руды — совершены открытия (*inventa* на балке) (как шахта выглядит внутри, видно на рис. 21), а во втором шурф только еще начат кайлом. Наконец, на заднем плане слева видна плавильная печь, в которой из добытой из шахты руды выплавлен металл, и тем самым совершена проверка и доказательство (*probata* на печи). К чему относится поиск, открытие и проверка, недвусмысленно сообщает ангел в верхней части фронтисписа — речь идет об истине (*veritas*).

Примечательно, что сам Агрикола, описавший практику лозоходства и дискуссии о ней, выразил в ее отношении огромный скепсис, причем таким образом, что

Рис. 18: Фронтиспис из издания: *Weise Chr. Doctrina logica duabus partibus sic comprehensa, ut prior notitiam propositionum, syllogismorum & terminorum simplicium; posterior ipsam praxin, in definitione, divisione, demonstratione, methodo, interpretatione & disputatione necessariam exhibeat: exemplis ut plurimum politicis illustrata, rebusque oratoriis sedulo accommodata.* Leipzig, 1695.

Рис. 19: Иллюстрация из издания: *Agricola G. De Re Metallica libri XII*. Basel, 1561. Р. 28. А — *virgula* (лоза). В — *fossa* (шурф).

Рис. 20: Иллюстрация из издания: *Löhneysen G. E. Bericht Vom Bergkwerck, Wie man dieselben Bawen und in guten Wolstandt bringen soll, sampt allen dazu gehörigen Arbeiten, Ordnung und rechtlichen Proceß.* [Zellerfeldt], 1617. Между S. 12 и S. 13. А — Rutengenger (лозоходцы). В — Schürffer (копатели шурфа).

Рис. 21: Иллюстрация из издания: *Löhneysen G. E. Bericht Vom Bergkwerck, Wie man dieselben Bawen und in guten Wolstandt bringen soll, sampt allen dazu gehörigen Arbeiten, Ordnung und rechtlichen Proceß.* [Zellerfeldt], 1617. Между S. 12 и S. 13. С — Haspeln (крутить лебедку). D — Schacht fincken (копать шахту). E — Donleger Schacht (вертикальный шахтный ствол с горизонтальной штольной). F — Tragstöllen oder Wasserseig (штольня или желоб).

его критика по аналогии может иметь силу и относительно сторонников искусства открытия истины: «...люди, доверяющиеся пруту, трудятся без пользы и изнуряют себя шурфованием избранных таким образом мест не меньше, чем приобретатели неудачных паев. Следовательно, настоящий горняк, в котором мы хотим видеть основательного и серьезного человека, не станет пользоваться волшебной палочкой, ибо мало-мальски сведущий в природе вещей и рассудительный человек понимает, что „вилка“ ему в этом деле никакой пользы не принесет, но что он имеет в своем распоряжении, как я уже указал выше, естественные признаки руд, которыми он и должен руководствоваться» (Агрикола 1986: 26). Более поздняя критика лозоходства со стороны М. В. Ломоносова апеллирует к «повседневному искусству» и «здравому разуму»: «...ежели бы сие действие было вправде, то бы ненарушимые натуральные законы, не взирая ни на время, ни на человека, всегда сие и на всяком месте в действие производили», а потому «лучше на такие забобоны или, как прямо сказать, притворство не смотреть...» (Ломоносов 1954: 442. § 59). В какой мере логика как искусство открытия новых истин может предложить способ, который на основе неких естественных законов мог бы всегда, везде и для всех открывать неизведанную истину?

Но, несмотря на все возможные предостережения, сюжет Вайзе подхватил критически настроенный к вольфианской философии сторонник эклектической философии Иоганн Якоб Сирбий (1674–1738). Согласно его пониманию логики (*logica*, *philosophia rationalis*, *Vernunft-Lehre*), это такая дисциплина, которая руководит и направляет рассудок в признании истинного самым правильным способом и сообщении об этом другим (Syrbius 1726: 116. § XXV; 167. § XXXII; Syrbius 1724: 38. § 92). Однако изображение на фронтисписе (см. рис. 22) в каком-то смысле опережает то, что Сирбий относительно традиционно для своего времени изложил в пятой главе о фундаменте логики своего труда «Начала новой и эклектической первой философии», в котором сама проблема открытия новых истин упоминается лишь спорадически (Syrbius 1726: 173. § XXXIX). Как и у Вайзе, фронтиспис Сирбия изображает лозоходца в непрофессорском одеянии, который, вероятно, должен в своих поисках не поддаваться страсти, но и не страдать пренебрежением (соответствующая латинская надпись гласит: *pec adfectu pec neglectu*). Здесь же на переднем плане изображена и лебедка, возле которой лежит кайло, но если у Вайзе мы не видим, куда она ведет, и можем только предполагать, что оттуда уже было добыто немало руды для печи, то Сирбий дает нам полное изображение того, что происходит под землей в штольне. Человек на коленях работает киркой, высекая своими ударами искры, освещающие это подземное помещение (см. аналогичные изображения в произведениях по горному делу на рис. 21). Бадья, привязанная к лебедке, пока пуста, но мы видим результаты работы человека с киркой, сложенные как в штольне, так и уже поднятые на поверхность лебедкой. Правда, как именно используется это ископаемое, фронтиспис нам не показывает. В. Шнайдерс, первым давший трактовку фронтисписа Сирбия, задал вопрос

о соотношении этих двух людей — на земле и под землей, в темноте и на свету, с лозой и с киркой, в полный рост и согнувшись на коленях. Означает ли это, что первый выполняет грязную работу для второго, или что имеются два вида философии — открытия и труда, или же «визионер» и «копатель» — это одно и то же лицо? (Schneiders 1990: 62). И фронтиспис Вайзе, и фронтиспис Сирбия могут быть, на мой взгляд, истолкованы однотипно на основе хорошо знакомых российским читателям православных фресок приблизительно того же времени: весьма распространенным примером оказывается «одновременное» изображение на одной фреске целой последовательности разнесенных во времени и последовательных событий. С этой точки зрения четыре персонажа на фронтисписе Вайзе представляют собой одно и то же лицо, последовательно находящееся в поиске, шурфовании, извлечении руды и плавке металла, и это же справедливо к обоим персонажам на фронтисписе Сирбия.

Один из учеников Вайзе, Иоганн Христиан Ланге (1669–1756), помимо своего главного логического труда о всеобщем логическом квадрате, опубликовал сочинение «Прототеория всеобщей человеческой учености». Здесь речь идет не столько об искусстве, методе или способе открытия¹², для чего лозоходцы выступают неким иллюстративным примером — процесс добычи руды и плавки металла, который у Вайзе и Сирбия аллегорически трактуется как особое искусство логики открывать неизвестное и неизведанное, Ланге переосмысливает как процесс окультуривания, устранения грубости, бесформенности, неотесанности. Ланге обыгрывает несколько однокоренных латинских слов, хорошо известных и носителям русского языка, — тех или иных производных от слова «эрудиция». И хотя и в самом названии он передает это латинское слово как «ученость» (*Gelehrsamkeit*), как на фронтисписе (см. рис. 23), так и в самом трактате он буквально толкует его как выход (e-) из состояния грубости и бесформенности (*-ruditio*), чем в каком-то смысле предвосхищает будущую знаменитую дефиницию Просвещения из уст Канта как выхода (*Ausgang*) человека из состояния несовершеннолетия (Кант 1994: 127; Kant 1923: 35). На фронтисписе представлены три уровня изображения: *rude* — *erudiendum* — *eruditum*. Ланге поясняет: человека следовало бы рассматривать до «*Erudition*» как «*rvdis*», во время «*Erudition*» как «*ervdiendvs*», а после «*Erudition*» как «*ervditvs*» (Lange 1706: Praefatio. Б. п.). Именно это он и попытался изобразить на фронтисписе, посвятив ему дополнительно еще и специальное стихотворение. В нем эрудиция у людей уподобляется металлам в трех видах. Верхнее изображение показывает, как благородная руда с большим трудом добывается из темного горного склепа и доставляется наружу, на дневной свет. Но там она первоначально пребывает в грубом, сыром, неоформленном виде (*Rude*), до тех пор пока она не почувствует на себе жар и пламя углей, при помощи чего из нее будут удалены грубые шлаки. Что еще из нее сможет быть произведено после этого умелой

¹²См. лаконичные заметки об этом (Lange 1706: 112).

Рис. 22: Фронтиспис из издания: *Syrbius J. J. Institutiones philosophiae primae novae et eclecticae quarum pars prima, seu architectonica praeter theologiam philosophicam omnis eruditionis fundamenta principia et methodum ex ipsius hominis consideratione derivata altera vero, seu metaphysica philosophiam occultam tertia denique, seu ontologia notionum philosophicarum vulgo vsitatorum explicationem continent. Addita est universae historiae philosophicae tabula.* Jena, 1726.

рукой, есть результат дальнейшего устранения сырости и грубости (*Erudirung, erudiendum*). Средний рисунок фронтисписа как раз и показывает эту работу над произведенным металлом, в результате чего в конце концов получается нечто эрудированное (*Erudirt, eruditum*), что изображено на нижнем рисунке — он напоминает магазин «Novator» Рюдигера. После этого описания Ланге задает вопрос: какое отношение этот рисунок имеет к людям? Его ответ таков: верхний рисунок показывает рождение, средний рисунок демонстрирует выращивание, культивирование, селекцию. И то, на что здесь только можно надеяться, способна достичь добродетель на нижнем рисунке. Кто желает чего-то добиться, тому следует пройти эту эстафету (Lange 1706: *Erklärung des auf Begehren des Verlegers vorgesetzten Kupffer-Bildes*. Б. п.).

Наконец, еще одна книга по логике Дарьеса, специально посвященная искусству открытия (Darjes 1742; Darjes 1747), представляет нам этот процесс на фронтисписе (см. рис. 24 таким образом, который весьма далек от Вайзе, Сирбия и Ланге. За столом, на котором разложены различные трактаты, сидит философ в светском одеянии. Что именно за трактаты разложены у него на столе, точно не указано. С вертикального украшения на столе свисают две ленты, на которых значится: «*Gloria Dei*» (слава Господу) и «*amor proximo*» (любовь к ближнему). Несмотря на внешне светский характер философа, мы видим, что путь к истине у Дарьеса вновь неразрывно связан с «памятником благочестия». Это же подчеркивается и фигурой ангела, парящего в воздухе, и из уст которого в сторону головы философа раздается «*ora et labora*», однако призыв трудиться и молиться обращен здесь не к монаху, а к светскому мыслителю, сидящему не в монастырской келье, а в роскошном дворцовом помещении. И хотя перед философом лежат открытые книги, к самой книжной полке он обращен спиной, а взгляд его направлен вперед. То, что он видит, приоткрывается ему за стеной дворца, на природе, и это опытное открытие природы особо подчеркивается распахнутым занавесом, открывающим взгляд наружу. Вероятно, смысл этого послания таков: новая истина открывается тому, кто пытается комбинировать книжную мудрость с исследованием природы, но для того чтобы иметь возможность вникнуть в фолианты, требуется логика — переиначивая надпись над платоновской Академией «*Nemo geometriae ignarus intrato*» («не знающий геометрии да не войдет сюда») в «*Nemo Logicae ignarus aperiat*» над книжной полкой, Дарьес хочет сказать: не знающий логики да не откроет эти книги. Однако не открыв эти книги, нельзя затем обратить свой взор и на природу.

6. «Учение разума» А. Ф. Хоффмана: логика среди других наук

Какое место логика занимала в ряду иных философских и нефилософских наук — на этот вопрос дал свой ответ в «Учении разума, в котором знаки истинного и ложного выводятся из законов человеческого рассудка» (Hoffmann 1737) ученик Рю-

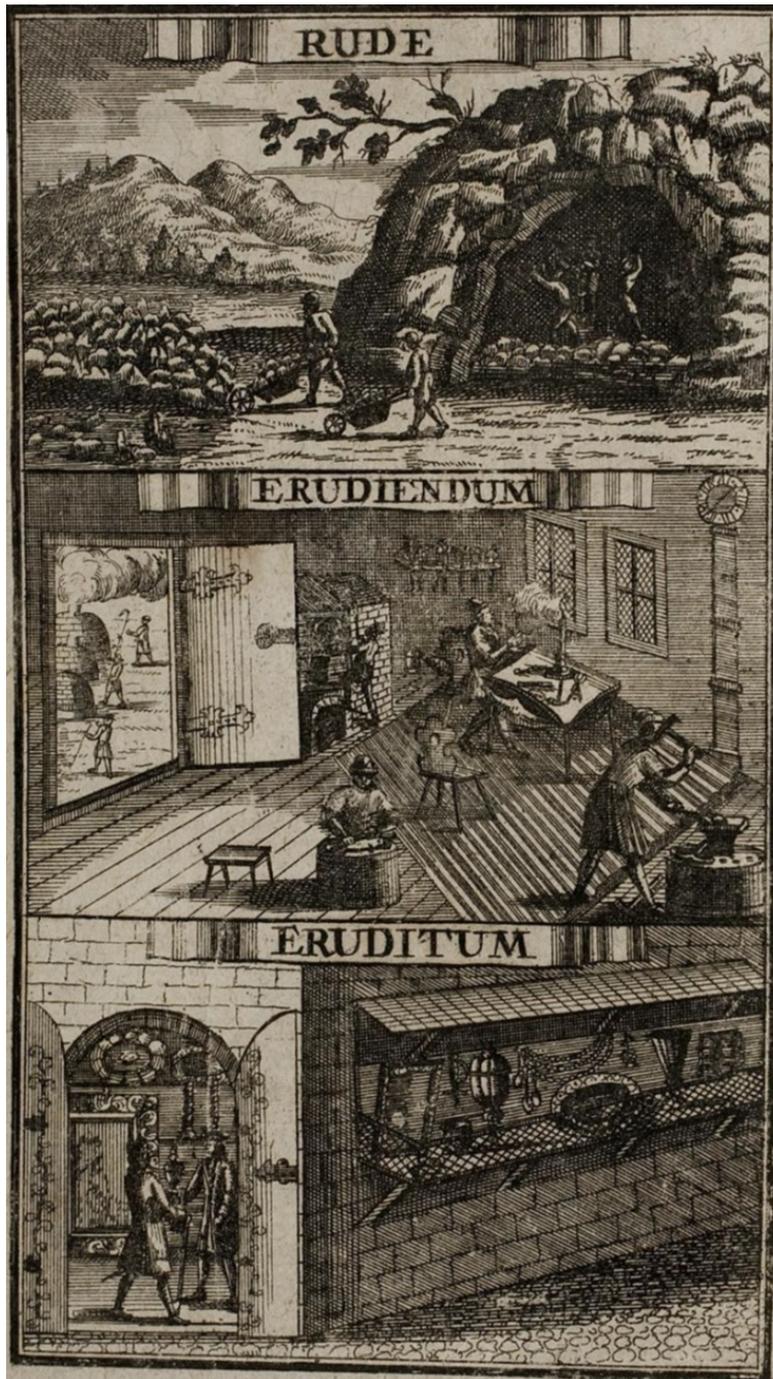

Рис. 23: Фронтиспис из издания: *Lange J. Chr. Protheoria Eruditionis Humanae Universae: Oder Fragen von der Gelehrsamkeit der Menschen ins gemein. Zu besonderm Dienst und Nutzen der Studierenden Jugend, Wie auch zum Behuf und Fundament seiner Academischen Praelectionen.* Gießen, 1706.

Рис. 24: Фронтиспис из изданий: *Darjes J. G. Introductio in artem inveniendi seu logicam theoretico-practicam qua analytica atque dialectica in usum auditorii sui methodo auditoribus commoda proponuntur.* Jena, 1742, ²1747.

дигера, антивольфиански настроенный Адольф Фридрих Хоффман (1703–1741), сделавший этот вопрос главной темой фронтисписа своего издания (см. рис. 25). Его глубокое толкование дал в своей работе «Надежда на разум» В. Шнайдерс (Schneiders 1990: 73, 76). Согласно его убедительному объяснению, фронтиспис на заднем плане изображает кровавые и смертельные битвы некультурных народов, в то время как на переднем плане, на сцене, мы имеем дело с мирной, а не смертельной конкуренцией наук и факультетов. Пять стоящих различных женских фигур в определенной последовательности и с определенными атрибутами располагаются перед сидящей шестой женской фигурой. Справа с книгами и скипетром в руках изображена Философия — такой она явилась еще Боэцию (Боэций 1990: 191). В отличие от времен Боэция у ног Философии располагается земной и небесный глобус как знак ее нового исследовательского интереса. Слева от нее с посохом Асклепия и колбой стоит Медицина. Как будто парит в воздухе полуангельская фигура, по размеру явно меньше остальных стоящих, с завязанными глазами, мечом и весами в руках — Юриспруденция. Вслед за Шнайдерсом можно согласиться с тем, что ее полукарикатурный вид есть реакция на преувеличенное значение, которое придавали юриспруденции как раз в томазианской традиции, с которой Хоффман изнутри и полемизирует. Четвертая фигура с фасцией в руке у стола, на котором располагается корона и митра — Теология. На переднем плане этих четырех стоящих почти в ряд представителей четырех факультетов в самом ярком облачении предстает Логика, или Учение Разума. В одной ее руке расположен цветочный букет с перевязью, содержащей надпись «vervm et falsvm», в другой — змея как знак ума¹³. Примечательно направление взглядов четырех из пяти описанных фигур (глаза Юриспруденции завязаны): если Логика смотрит ввысь, то Философия, Медицина и Теология голову вверх не поднимают, более того, их взгляды направлены почти на Логику. Пристально на Логику смотрит и сидящая фигура на переднем плане. Ее крылья говорят нам о том, что перед нами ангел, а лежащие позади нее коса и песочные часы свидетельствуют в пользу того, что это ангел смерти. Эта дама «пытается записать провозглашаемые Логикой вечные истины и, как кажется, перевести вневременное в преходящее. Или же Преходящность, очевидно отложившая свои атрибуты ради того, чтобы иметь возможность записывать, тем самым устранена истинами Логики? К сожалению, нельзя рассмотреть, что она записывает» (Schneiders 1990: 76). На фронтисписе имеется и еще одно противопоставление: если на дальнем плане в кровавой бойне ангел смерти трудится своей косой не покладая рук, то на переднем плане спора факультетов при посредничестве логики коса отложена в сторону.

То, что слева на фронтисписе изображена именно Логика, Хоффман еще раз подчеркнул на гравированном титульном листе книги (см. рис. 26). Поскольку это издание самого автора, это именно авторская, а не издательская иллюстрация. На

¹³См. об этих атрибутах логики также (Heydenreich 1954: 1387–1400).

Рис. 25: Фронтиспис из издания: *Hoffmann A. F. Vernunft-Lehre*, darinnen die Kennzeichen des Wahren und Falschen aus den Gesetzen des menschlichen Verstandes hergeleitet werden. Leipzig, 1737.

ней мы видим еще раз Логику, или Учение Разума, во всей ее красе: «...учение разума — это такая наука, в которой открываются правила и основания, на которые человеческий рассудок в своем правильном суждении опирается, не зная того, и которые привносятся в нашу науку, дабы подобные основания и правила могли отчетливее мыслиться, правильнее применяться и, тем самым, дальше бы продвигались в познании истины» (Hoffmann 1737: 45-46. § 10).

Если Хоффман предпочел изобразить на своем гравированном титульном листе Логику, то в конце XVIII века католический теолог Иоганн Михаэль Зайлер (1751–1832) сделал выбор в пользу изображения Истины, персонифицированной в виде молодой прекрасной девушки, являющейся тому, кто кротко внимает ей, «внимательно и честно», как гласит надпись сверху (см. рис. 27), а не пытается ее, не испытует приборами и не добивается ее копьями и стрелами, против чего выступал и Ройш. Сам Зайлер объяснял это изображение так: «Кто не желает читать „скелет“, того со смыслом и духом книги должна познакомить виньетка на титульном листе. Смотри там *истину*, как она *являет себя* бесхитростной, исследующей в тишине душе, своему самому доверительному другу — полностью в своей невинности, простоте и красоте — без личины и украшений — в сиянии освещающей внимательного — веселие во взгляде, венки мудрости в правой руке, дабы короновать честного. И спокойного! Как он там сидит, весь зрение и слух, дабы узреть небесное и услышать слово истины из ее уст. Так является истина! Так внемлет и зрит благородный любитель истины!» (Sailer 1785: Ein nöthig Wort an den Leser. Б. п.). Само учение разума или логика «для людей, каковы они суть», понимается Зайлером как «образование и воспитание целостной человеческой души, рассудка и сердца для легкого и точного познания истины» (Sailer 1785: 4).

7. «Немецкая метафизика» Хр. Вольфа, «Гундлингиана» Н. И. Гундлинга, «Путь к достоверности и надежности человеческого знания» Хр. А. Крузия и «Врачевание ума» И. Ланге: логика в лучах Просвещения

Вне зависимости от того, как именно разными немецкими мыслителями конца XVII–XVIII века понималось Просвещение, описываемые авторы все же прямо или косвенно причисляли себя к этому течению. Те, кто желал провозгласить это эксплицитно, как правило, пользовались различной метафорикой Солнца и света на фронтисписах своих сочинений. Но несмотря на, казалось бы, одни и те же изображения Солнца и света, авторы трактатов по-разному толковали Просвещение. Наиболее убедительно исследовавший это развитие В. Шнайдерс справедливо выделяет в данной связи воинственную программу, некое относительно мирное и благотворное влияние солнечного света, а также состояние после победы света над тьмой (Schneiders 1990: 83–93, 107).

Один из первых в эпоху немецкого Просвещения, кто использовал изобра-

Рис. 26: Гравированный титульный лист издания: *Hoffmann A. F. Vernunft-Lehre, darinnen die Kennzeichen des Wahren und Falschen aus den Gesetzen des menschlichen Verstandes hergeleitet werden. Leipzig, 1737.*

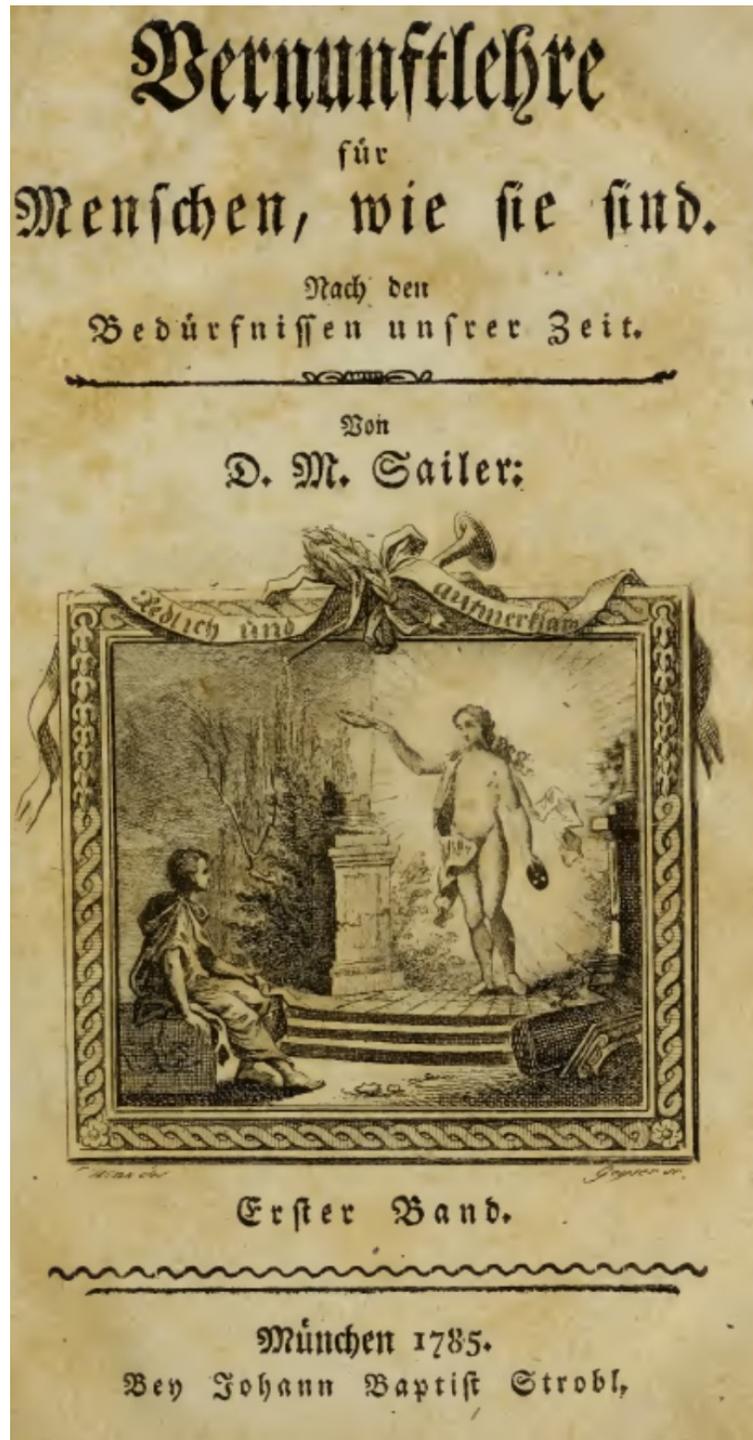

Рис. 27: Гравированный титульный лист издания: *Sailer J. M. Vernunftlehre für Menschen, wie sie sind. Nach den Bedürfnissen unserer Zeit. Bd. 1. München, 1785.*

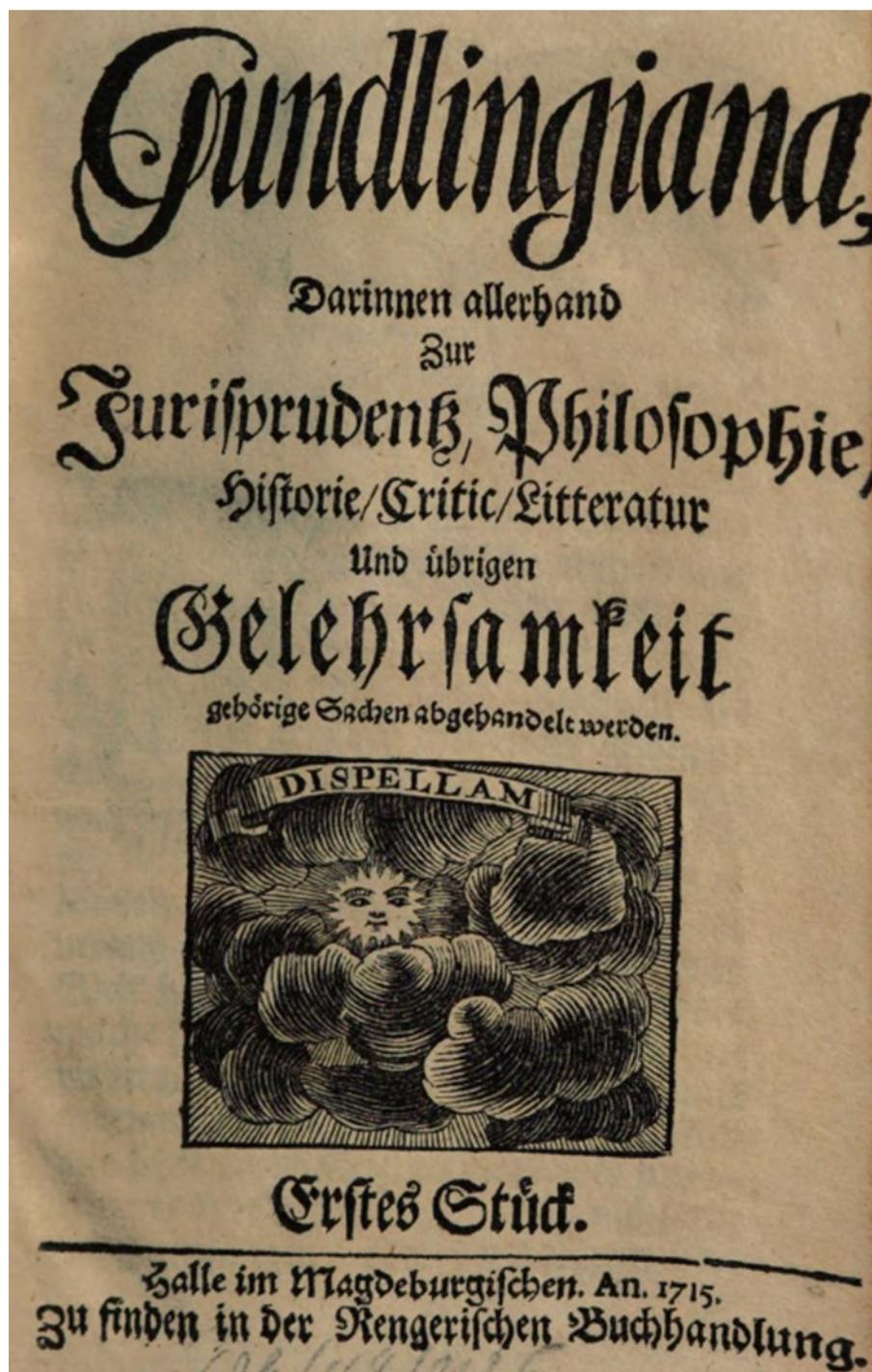

Рис. 28: Гравированный титульный лист издания: Gundlingiana, Darinnen allerhand Zur Jurisprudenz, Philosophie, Historie / Critic / Litteratur Und übrigen Gelehrsamkeit gehörige Sachen abgehandelt werden. St. 1. Halle, 1715.

жение Солнца, был Н. И. Гундлинг. Для издаваемого им с 1715 года журнала «Gundlingiana» он выбрал многозначительный вариант гравированного титульного листа. Затянутое тучами небо разгоняется сверху Солнцем. Улыбки на лице Солнца не видно, а надпись вверху гласит: «Dispellam». Сам Гундлинг объяснил смысл этого изображения в предисловии к первому номеру журнала: «...истина есть свет, который просвещает всех; она изгоняет всякую тьму, поэтому ее девиз, как я поместил на титульном листе: *DISPELLAM*» (Gundlingiana 1715: Vorrede. Б. п.). Процесс разгона тьмы не будет одномоментным: «Серые тучи заблуждения не будут разогнаны за раз. Бахвальство и своекорыстие, охранительные божки невежества, господствующего во мраке, в любом случае станут причиной того, что настанет новая непогода, но которая в конце концов превратится в воду и закончится пустым шумом» (Gundlingiana 1715: Vorrede. Б. п.). О том, что разгон тьмы, провозглашенный Гундлингом, может быть далеко не мирным, а противникам Просвещения объявлена война, свидетельствует фронтиспис его учителя Томазия (Hutchinson 1726) (см. рис. 29), который до сих пор известен в гораздо большей степени как юрист и борец с процессами против ведьм, чем как логик. Вверху фронтисписа расположено Солнце, имеющее явные теологические атрибуты. От него во мрак распространяется свет, в центре которого находится женская фигура с пальмовой ветвью, которая может олицетворять философию или науку. Из уст этой женской фигуры раздается гундлингианское «Dispellam». Сам луч с этим выражением направлен на современные варианты колдовства, и первой фигурой, бросающейся убежать от этого луча, изгоняющего мрак, оказывается доктор Фауст, легенды о котором курсировали задолго до творения И. В. Гете. Каким образом разгоняется мрак и тьма, видно в нижней части фронтисписа. Женская фигура повергла и фактически душит своими ступнями двух других персонажей: некую дьявольскую фигуру с масками, а также продажную юстицию с открытыми глазами, мечом в одной руке и денежным мешком в другой — весы отброшены. Ее одежда запачкана — вероятно, кровью жертв. И дьявольский персонаж, и продажная юстиция молят о пощаде, вскидывая вверх руки, однако возымели ли их мольбы действие, из фронтисписа не ясно. Под фронтисписом располагается многозначительное изречение: «Чем выше разум восходит в науках, тем глубже кренится он к падению в суеверия».

Другие солнечно-световые варианты более миролюбивые. На тимпане исторического здания сиротского дома Августа Германа Франке (1663–1727) в Халле (см. рис. 30) имеется изображение с Солнцем, вероятно, символизирующее Всевышнего. Под ним располагаются два орла, которые начинают распускать свои крылья. Объяснением этому выражению служит цитата из пророка Исаии (4:31): «А надеющиеся на Господа обновятся в силе: поднимут крылья, как орлы...»¹⁴.

Другим значимым применением образа Солнца и света стала так называемая

¹⁴См. толкование этого изображения (Kertscher 2005: 403–417).

Рис. 29: Фронтиспис из издания: *Hutchinson F. Historischer Versuch von der Hexerey*, In einem Gespräch Zwischen einem Geistlichen, einem Schottländischen Advocaten und Englischen Geschwornen: Worinnen über würcklich geschehene Dinge vernünftige Anmerckungen gemacht, die hieher gehörigen Stellen aus der Heil. Schrift richtig erkläret und die gemeinen Jrrthümer aufs bescheidenlichste widerleget werden. Nebst zwei vortrefflichen Predigten, die erste zum Beweiß der Wahrheit der christl. Religion, die andere von guten und bösen Engeln, und einer Vorrede von *Chr. Thomasius* / Aus dem Englischen ins Teutsche übersetz von *Th. Arnold*. Leipzig, 1726.

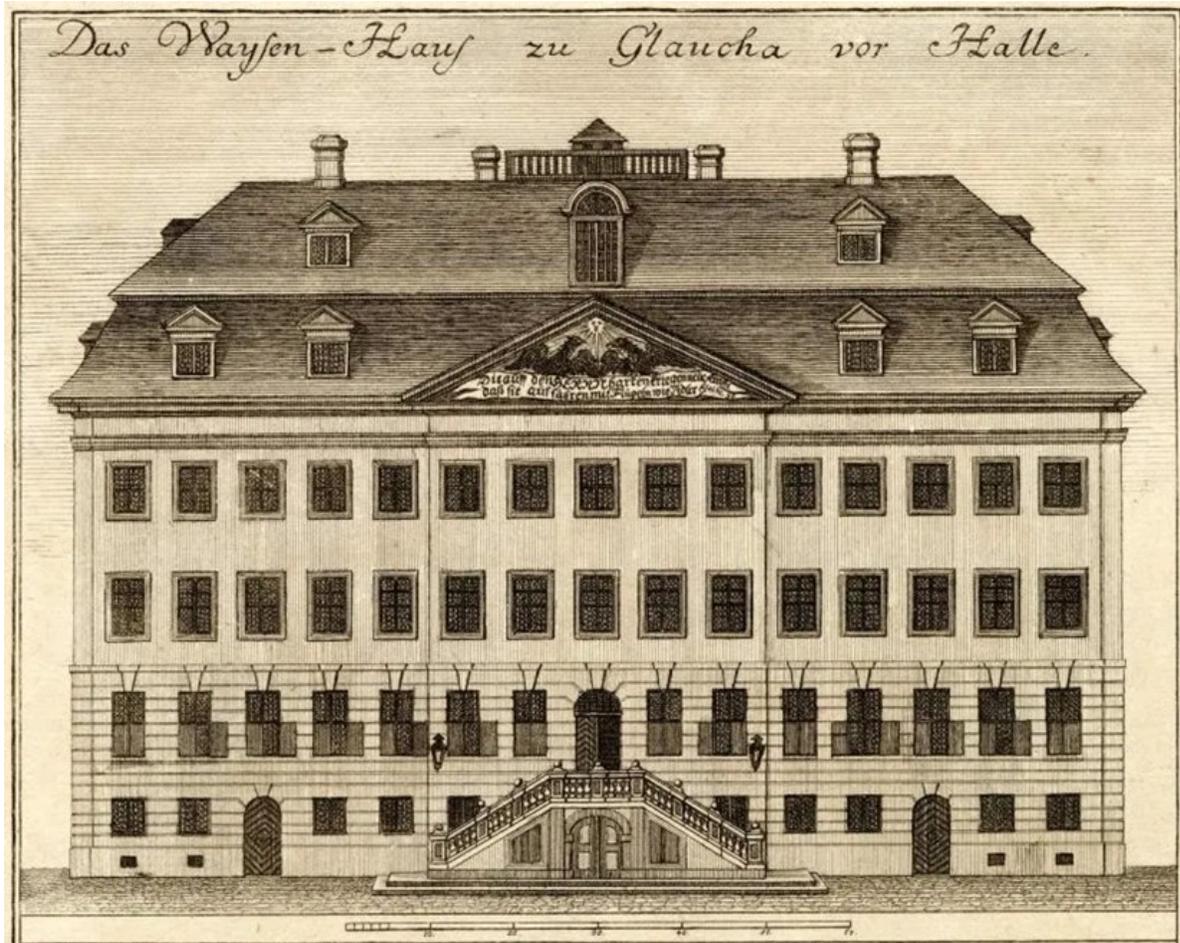

Рис. 30: Историческое здание сиротского дома А. Г. Франке в Халле (Franckesche Stiftungen). Гравюра Г. А. Грюндлера середины XVIII в.

«Немецкая метафизика» Вольфа (Wolff 1720). На фронтисписе этого произведения (см. рис. 31) начиная с первого издания 1720 года мы видим Солнце — в отличие от изображения Гундлинга, почти в улыбке, — которое пробивается сквозь немногочисленные тучи (у Гундлинга ими было затянута все настолько, что земля не просматривалась), освещая и город, и природу. Надпись вверху — вновь, как и в «Немецкой логике», на латыни — гласит: «Lucem post nubile reddit», после мрака вновь возвращается свет, и происходит это благодаря философии Вольфа. Этому рисунку сам Вольф дал такое объяснение: «Кто в дальнейшем обдумает то, что я установил для себя действовать двояким образом, а именно: 1) прояснять все посредством отчетливых понятий, 2) все основательно доказывать посредством постоянной связи одной истины с другой, тот не рассердится на меня за то, что я заявляю, будто я начал в эту дисциплину приносить свет. Но так как никто не может отрицать того, что если в некоем деле однажды положено начало, то после него имеется надежда на то, что другие пойдут дальше и постепенно исполнят то, что еще осталось несделанным, то никто разумный не может сердиться на то, что я перед моей книгой попросил выгравировать Солнце, как оно проступает сквозь расступающиеся тучи и дает надежду на то, что постепенно все облака будут рассеяны» (Wolff 1733: 312)¹⁵.

Первые результаты воздействия своей философии Вольф изобразил на фронтисписе комментария к «Немецкой метафизике» (Wolff 1724) уже в 1724 году (см. рис. 32). Солнце здесь приобретает уже совсем «детские» черты. Под ним не видно ни одного облачка. И город, и природа освещаются живительным солнечным светом, который повсюду приносит свои плоды, о чем гласит латинская надпись «Fecundo Lumine fulget». И хотя иные сочинения Вольфа на своих фронтисписах все же еще не раз будут демонстрировать определенные сложности на пути солнечных лучей сквозь тучи мрака, в отношении конечного итога философ сохраняет свой неизменный оптимизм.

К концу XVIII века, т. е. к тому моменту, когда в Германии разгорелась дискуссия о том, что такое Просвещение, появилось его изображение известного художника того времени Даниеля Ходовецкого (1726–1801). В серии аллегорических изображений 1792 года под названием «Шесть значительных событий последнего десятилетия» (Göttinger Taschen-Calendar 1792) одно из них он специально посвятил Просвещению (см. рис. 33). В деревушку движется повозка, освещаемая лучами только еще восходящего Солнца. В это время восхода туч и мрака не заметно, однако большая часть картины еще погружена в сумерки, постепенно озаряющиеся лучами восходящего Солнца. Георг Кристоф Лихтенберг (1742–1799) разъяснил эту гравюру о Просвещении следующим образом: «Это высшее дело разума, которое недавно захотели превратить в посмешище некоторые поверхностные, но именно поэтому любимые многими искусники пустых фраз, и которые были слиш-

¹⁵И само это издание также содержало фронтиспис со световой символикой — здесь Солнце освещает пирамиды.

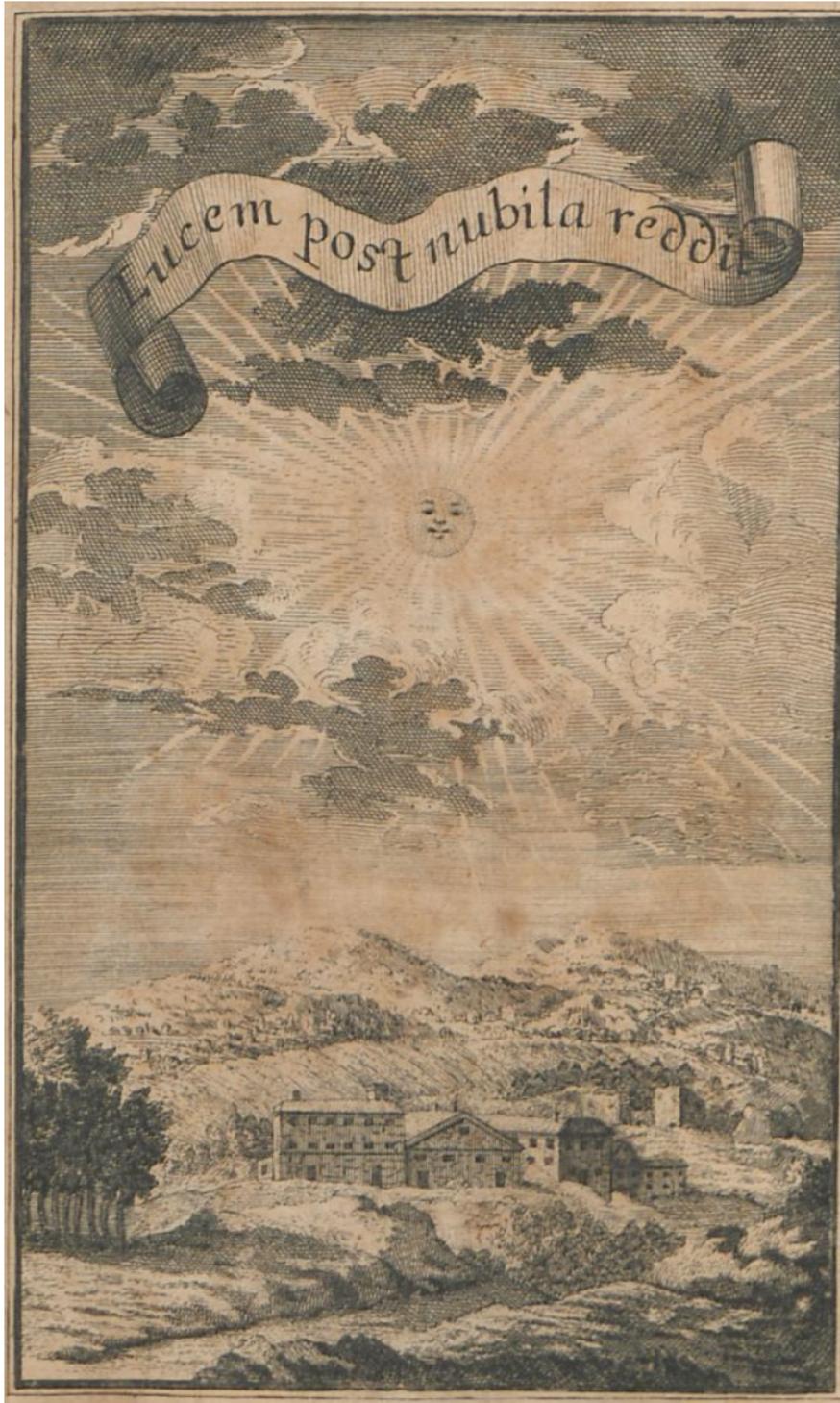

Рис. 31: Фронтиспис из издания: *Wolff Chr. Vernünfftige Gedanken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, auch allen Dingen überhaupt.* Halle, ¹1720.

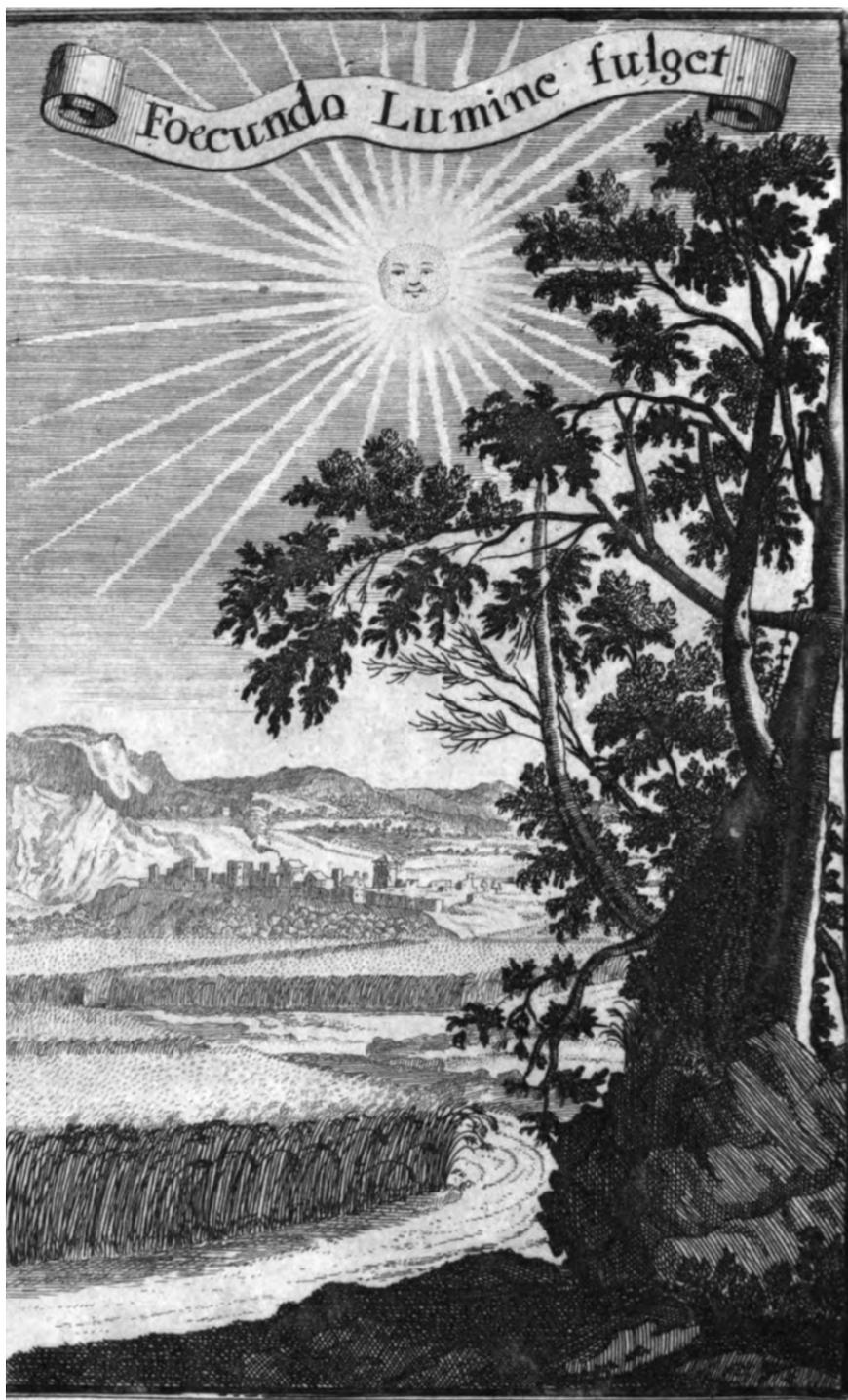

Рис. 32: Фронтиспис из издания: *Wolff Chr. Anmerckungen über die vernünfftige Gedancken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, auch allen Dingen überhaupt, zu besserem Verstande und bequemerem Gebrauch derselben. Halle, 1724.*

ком ограничены в своих упражнениях по благочестию, дабы обдумать, к каким злоупотреблениям вели даже религия и любовь, эти опорные основания морального и физического мира, это дело до сих пор еще не нашло никакого общепонятного аллегорического обозначения (быть может, потому что само это дело еще новое), кроме как восходящего Солнца. Пожалуй, оно еще долго останется самым пригодным из-за того тумана, который всегда будет воспаряться из болот и кадил, и с пламенных жертв на алтарях божков, и которое они так легко могут сокрыть. Тем временем, если Солнце еще только встает, туману это еще не помеха» (Lichtenberg 1792: 212–213).

На гравированном титульном листе первого издания и одного из вариантов второго издания логики (см. рис. 34) одного из самых значительных оппонентов позднего Вольфа, ученика Хоффмана Христиана Августа Крузия (1715–1775), под названием «Путь к достоверности и надежности человеческого познания» в правом верхнем углу изображения видно Солнце, однако не видно его лучей — весь пейзаж внизу освещен его светом, нет ни облаков, ни тумана или даже какой-либо пелены. Кругом ясность и отчетливость, в соответствии с латинской надписью «*sua cernitur luce*» все познается в своем собственном свете. Сама же логика или учение разума понимается Крузием как такие действия человеческого рассудка, посредством которых возможно познание истины (Crusius 1762: 26. § 15).

Имеется, однако, и иной печатный вариант все того же второго издания логики Крузия, который на титульном листе сопровождает совсем иная гравюра (см. рис. 35). По всей видимости, она изображает — в отличие от «Учения разума» Хоффмана — не логику, а вечность в виде дамы, по сравнению с нагой истиной Зайлера имеющей богатое одеяние, и изображенной внутри символа вечности — змеи, поглощающей свой собственный хвост. В левой руке дамы изображен, вероятно, земной шар, а на правой накинута перевязь с надписью «*decret aeternitatis*». Надпись над самим кругом вечности гласит: «*spes et horror mortalivm*», «надежда и ужас смертных». По всей видимости, смысл этого изображения таков: приобщение к вечным истинам при помощи правильного употребления рассудка приближает смертного к вечности. Примечательно, что логика Крузия — редкий трактат, в котором отсутствует собственно фронтиспис; точнее, роль фронтисписа выполняет здесь собственный портрет Крузия. Фронтисписы в философских и теологических трактатах Крузия, как и в работах Вайзе и Томазия, представляют предмет отдельного специального исследования, которое до сих пор проведено еще не было.

Совсем иное значение Просвещение обретает у таких критиков раннего и зрелого Вольфа, как И. Ланге (1670–1744). Фронтиспис его «Врачевания ума» (см. рис. 36) настолько выбивается из всех приведенных выше, что заслуживал бы специального изучения, но в силу того, что оно уже было ранее осуществлено В. Шнайдерсом, желающих подробностей я отсылаю к его работе (Schneiders 1990: 97–101). Фронтиспис «Врачевания ума» изображает нам дерево, вырастающее из природы (*natura*), но на острове между реками предания и откровения, и пред-

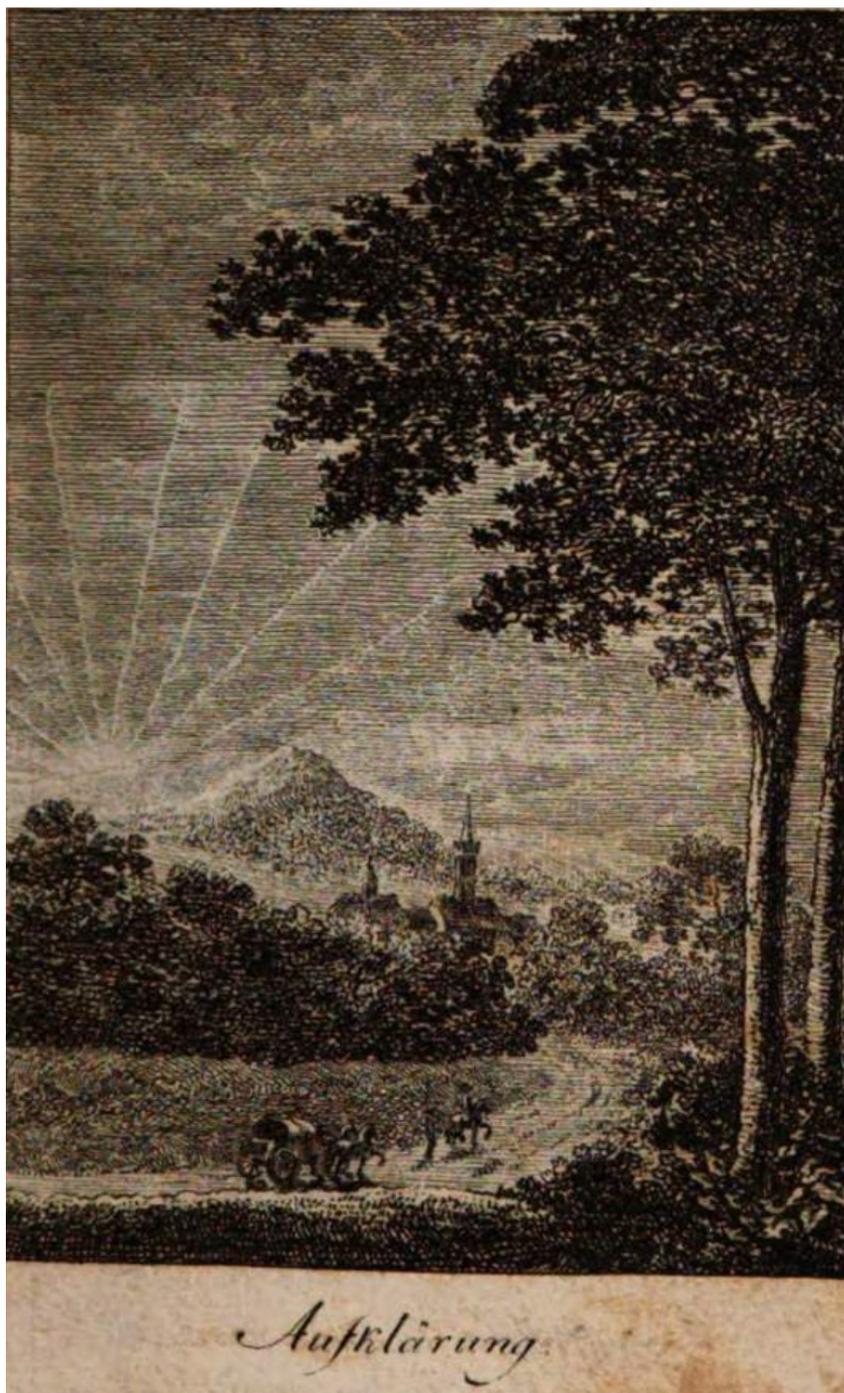

Рис. 33: Гравюра Д. Ходовецкого «Просвещение» из издания: Göttinger Taschen-
Calendar für das Jahr 1792. Taschenbuch zum Nutzen und Vergnügen fürs Jahre 1792.
Mit Kupfern von Chodowiecky, neuesten Frauenzimmer- und Manns-Kleidungen, in
Kupfer. Göttingen, 1792.

Christian August Crusii,
der heiligen Schrift Doctors und Profess. primarii, wie auch des
Philos. Profess. Extr. des hohen Stifts Meissen Canonic,
der churfürstl. Stipendiaten Ephori zu Leipzig,
W e g
zur
G e w i ß h e i t
und
Z u v e r l ä ß i g k e i t
der
menschlichen Erkenntniß.

Die andere und vermehrte Auflage.
Leipzig,
In J. F. Gleditschens Buchhandlung, 1762.

Рис. 34: Фронтиспис из издания: *Crusius Chr. A. Weg zur Gewißheit und Zuverlässigkeit der menschlichen Erkenntniß*. Leipzig, ²1762.

Рис. 35: Фронтиспис из издания: *Crusius Chr. A. Weg zur Gewißheit und Zuverlässigkeit der menschlichen Erkenntniß*. Leipzig, ²1762.

ставляющее собой «arbor philomoriae», дерево филормории, под которой Ланге понимает большую часть предшествующей философии. Само понятие филормории образовано по аналогии с философией, только второй корень здесь не мудрость, а глупость — «μωρία». Но, возможно, Ланге обыгрывает, согласно Шнайдерсу, и иной смысл другой мории (μορία), идентично звучащей в латинском варианте, — оливкового дерева, которое может здесь символизировать языческую мудрость античной философии. Ствол этого дерева филормории составляет яфетическая глупость, от которой отходят стволы семитской и хамитской глупости — все три вида глупости восходят к трем сыновьям Ноя Симу, Хаму и Иафету. Возможно, яфетизм в данном случае есть намек Ланге на малоазиатское происхождение, которое здесь свидетельствует о ветхозаветности. Над хамитскими и семитскими ветвями располагаются ветви древнегреческих (псевдо)философов. Вверху дерева мы видим еще две мории — глупость схоластики и, вероятно, современную Ланге просвещенческую философию, «дочь ночи» (filia noctis). Над всем этим располагается Солнце, которое здесь изображено только полукругом, на котором изображен тетраграмматон как знак Бога, и от которого исходит «lucescat» в сторону дерева, но похоже, что божественного света для этого дерева не хватает и оно приносит совсем не те плоды.

На титульном листе «Врачевания ума» расположена другое, совсем небольшое, но глубокомысленное изображение (см. рис. 37), которое было отличительной чертой книжной продукции сиротского дома Франке и примыкавших к нему пиетистских институций. На нем мы видим сеятеля, засевающего поле, освещаемое всходящим Солнцем, искрящимся лучами. На заднем плане виден город с церковной башней, на переднем — парящий в небе орел, только в отличие от тимпана сиротского дома орел один, а не два, однако и здесь предполагается отсылка к словам пророка Исаии (40:31). Все изображение сопровождает латинская надпись «illo splendente levabor», означающая: его сиянием буду возвышен. По всей видимости, изображение также отсылало к Евангелию от Марка (4:14): «Сеятель слово сеет». Только и это слово, и Солнце, позволяющее этому слову всходить — это не слово Вольфа и иных «просветителей», из рук которых произрастают деревья глупости.

8. В продолжение «Маяка интеллекта» С. Гроссера: «Логика» А. Бёма и образ корабля

Нельзя сказать, что в немецкой философии в XVIII веке образ корабля совсем перестал играть важную роль, но все же в логических компендиумах он встречался довольно редко. Продолжая тему мореплавания и образ корабля у С. Гроссера (Круглов 2020: 46–70), ученика все того же Вайзе, стоит обратить внимание на третье издание «Логики» ученика Вольфа в Марбургском университете Андреаса Бёма (1720–1790), учившегося там в одно время с Ломоносовым. В отличие от

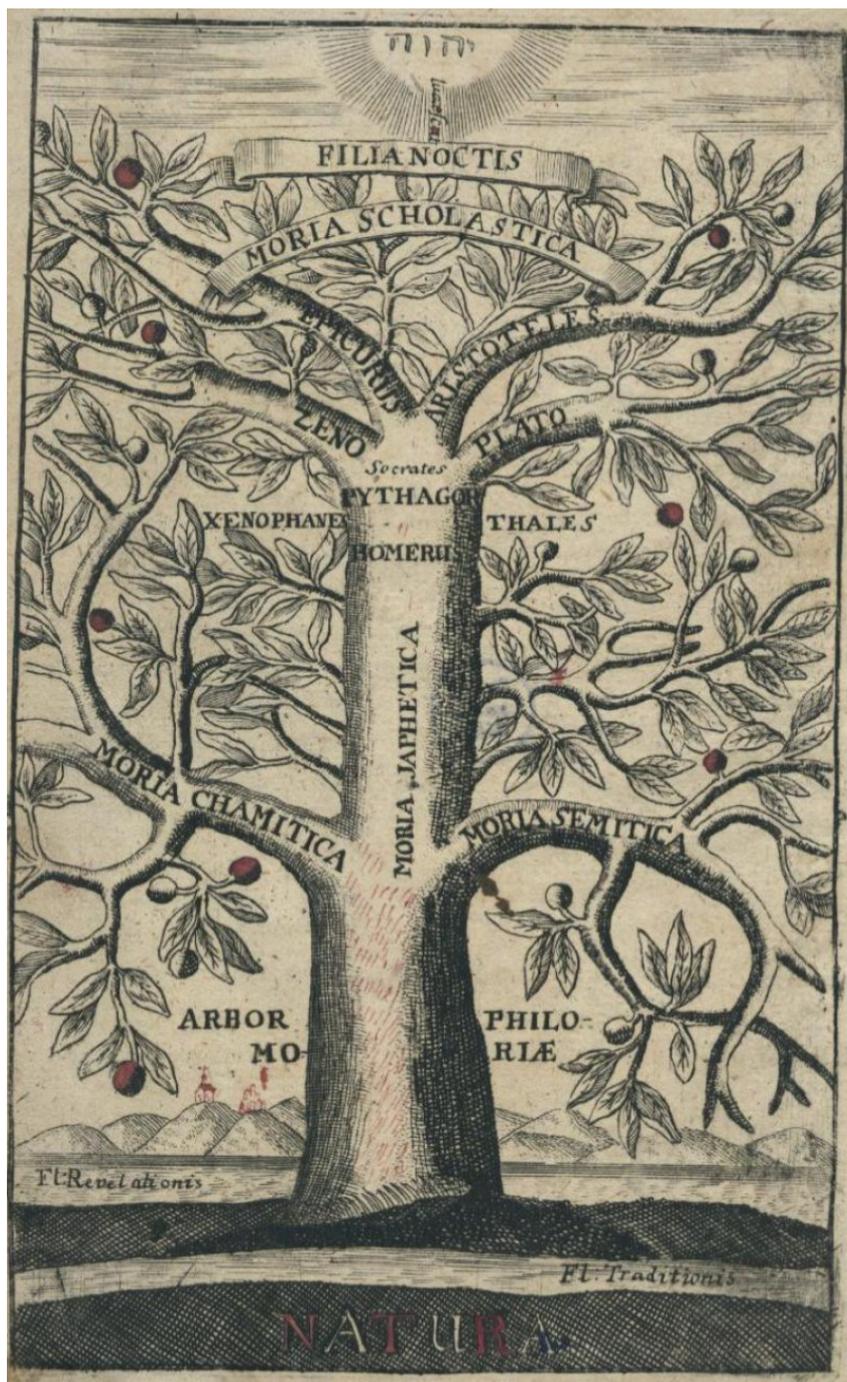

Рис. 36: Фронтиспис из издания: *Lange J. Medicina mentis, Qua, præmissa Historia mentis medica, seu philosophica, detectaque ac rejecta philomoriam, Genuina philosophandi ac litterarum studia tractandi Methodus, tanquam recta ad eruditionem ac sapientiam via ostenditur.* Halle, 1718.

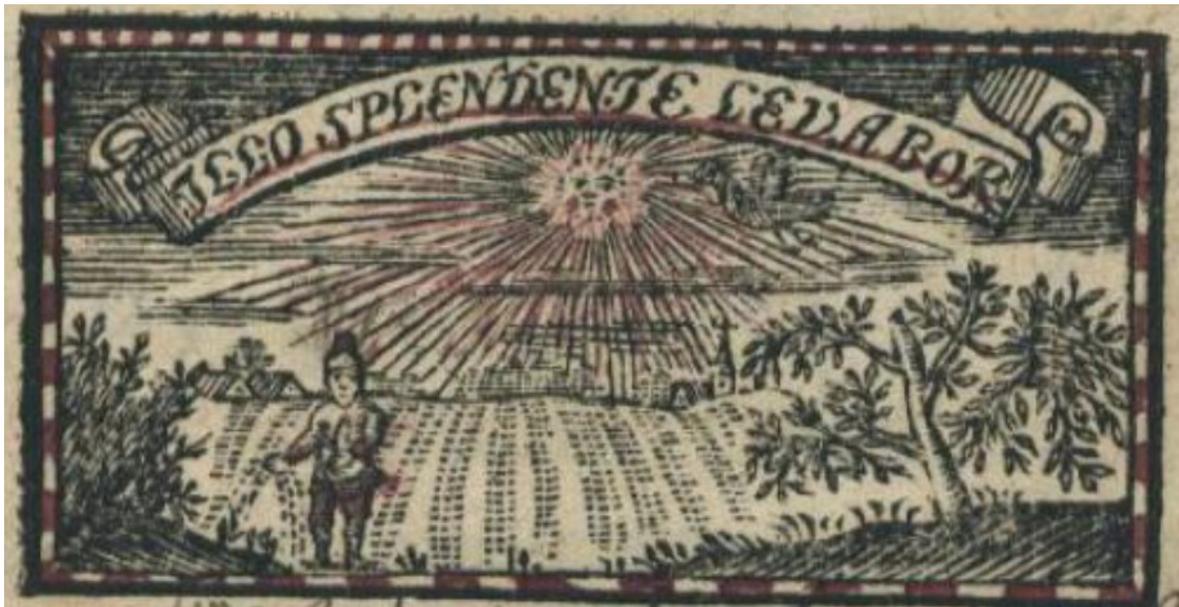

Рис. 37: Издательский знак на титульном листе издания: *Lange J. Medicina mentis, Qua, præmissa Historia mentis medica, seu philosophica, detectaque ac rejecta philomoria, Genuina philosophandi ac litterarum studia tractandi Methodus, tanquam recta ad eruditionem ac sapientiam via ostenditur. Halle, 1718.*

более ранних по времени иллюстраций сходной тематики гравированное изображение на титульном листе учебника Бёма (см. рис. 38) более наглядно представляет результаты плавания корабля. На горизонте видно восходящее Солнце — вероятно, Солнце Просвещения, недалеко от берега моря виден корабль, вдали в море на острове расположена одиноко стоящая укрепленная башня. Центральный, береговой план занимает восседающая фигура в воинском облачении с копьём у некоего шкафа со сложной системой цифровых и буквенных обозначений. Стражник, по-видимому, охраняет ящики, в которых хранится то, что было добыто в мореплаваниях: парящая в небе фигура Гермеса с кадудеем, отвечающего, похоже, за хорошую погоду и счастливый исход путешествия, как раз и высыпает из сосуда в ящики цветы мудрости, добытые в мореплаваниях. Латинская надпись вверху гласит, что для добычи мудрости требуются объединенные усилия: *coniunctis viribus*. Разъяснений этого рисунка в самом тексте нет, а саму логику Бём понимает в духе вольфианства как науку, которая управляет способностью познания в познавании истины (Boehm 1769: 12. § 26).

9. «Новое открытие универсального логического квадрата» И. Хр. Ланге: прототипы современной символической логики

подавляющее большинство тех логических компендиумов, фронтисписы которых были приведены и истолкованы выше, имеют, с одной стороны, интересны с точки зрения истории логики и философии, а с другой стороны, с точки зрения актуальной рефлексии о том, что является и может являться предметом логики. Фактом является, однако, и то, что дальнейшее развитие логики особенно начиная с первых лет XX века весьма далеко ушло от обсуждаемых в этих трактатах проблем, выбрав путь формализации, символизации и математизации. Тем не менее и в эпоху Просвещения можно найти определенные прецеденты именно такого взгляда на логику. Пожалуй, наиболее ярким примером здесь может служить все тот же И. Хр. Ланге, интерес к которому сегодня постепенно возрождается благодаря его пионерским заслугам в деле диаграмматического представления логических проблем. Именно в этом направлении движется и одно из двух его главных логических произведений — «Новое открытие универсального логического квадрата» (Lange 1714), снабженное сразу не одной, а двумя иллюстрациями, которые могут рассматриваться как фронтисписы (см. рис. 39, 40). На них изображены варианты логических машин, изобретенных Ланге и его учениками, подлинный смысл и назначение которых, равно как и их применимость, не разгаданы в полной мере до сего дня¹⁶. На первом из фронтисписов представлено «Новое открытие универсального логического треугольника», а на втором — «Новое открытие универсального логического квадрата». И первое, и второе изображение показывают

¹⁶См. современное толкование этих машин (Lemanski 2019: 48-56).

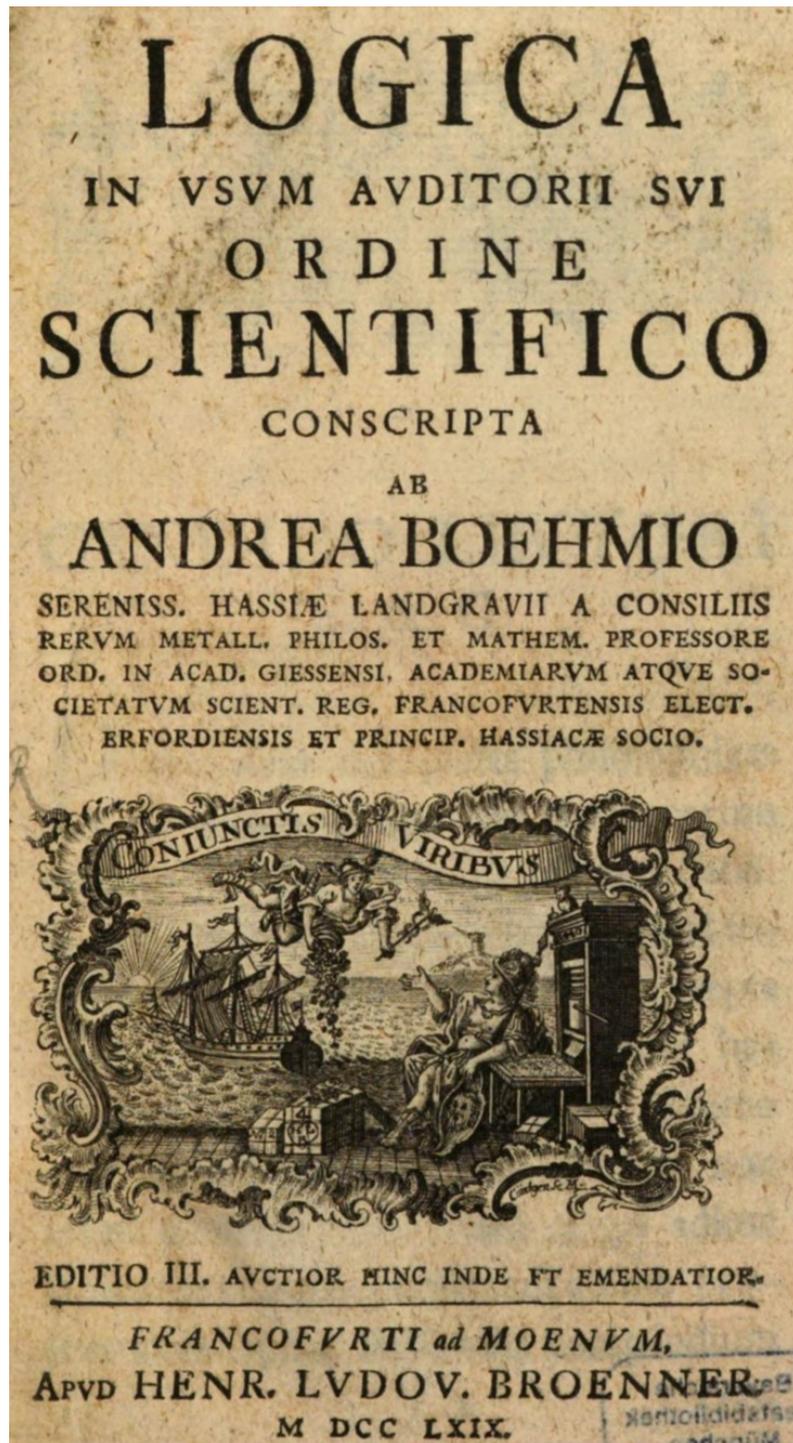

Рис. 38: Гравированный титульный лист из издания: *Boehm A. Logica in usum auditorii sui ordine scientifico conscripta*. Frankfurt am Main, 1769.

включение или невключение одних понятий, обозначенных буквами, в другие понятия, также обозначенные буквами. Так, А включает в себя не только В и С, но и все, что располагается ниже, в то время как В не включается в С и наоборот. Невключение на одном уровне демонстрируют сплошные линии, а не пунктирные. Поскольку такое изображение не нуждается в стрелочках, сами стрелочки, располагающиеся вертикально, горизонтально и диагонально, используются по бокам треугольника и квадрата для иной цели: основание стрелочки показывает субъект, а ее острие — предикат, при этом в зависимости от направления стрелочки мы получаем разные виды отношений. Оба эти фронтисписа словно кричат возможному читателю то изречение, которое было изображено над книжной полкой на фронтисписе Дарьеса: не логик да не откроет эти книги!

10. «Умословие» И. С. Рижского: фронтисписы в русских логиках времен Просвещения

Начиная с 60-х годов XVIII века барочная мода на замысловатые названия философских трактатов и фронтисписы в Германии постепенно пропадает. Некоторая острота споров о дисциплинарной составляющей логики спала в силу того, что немецкоязычные варианты ее обозначения не устоялись, а выбор был сделан в конце концов в пользу немецкой кальки «Logik». Существенная часть проблем, являвшихся предметом дискуссии в логических трактатах на протяжении XVIII века — в частности, таких, как вопросы об истине, ее свойствах и ее поиске, об антропологических и теологических основаниях познания как такового и пр. — стали обсуждаться преимущественно в общефилософских и метафизических, а не логических произведениях. В силу этого предмет логики обеднел и в чем-то выхолостился, став более «техническим», но, вероятно, во многом благодаря этому в дальнейшем и были достигнуты успехи логики на пути символизации и математизации. Обратной стороной этого впечатляющего процесса стал уход в тень самой рефлексии о предмете, целях и задачах логики, которая в эпоху Просвещения как раз и обеспечивала в Германии такое богатство разнообразных альтернатив.

К тому моменту, когда в России появились первые непереводаемые учебники по логике на русском языке, в Германии соответствующая традиция и мода на фронтисписы практически уже исчезли. Вероятно, в том числе и поэтому в конце XVIII века и в XIX веке в русских философских изданиях фронтисписы — редкость, а в учебниках по логике они как таковые и вовсе отсутствуют. Исключение составляет учебник будущего профессора и ректора Харьковского университета Ивана Степановича Рижского (1755–1811). Получив образование в Троице-Сергиевой и Псковской семинариях, в период преподавания в Санкт-Петербургском горном училище Рижский опубликовал компилятивный учебник логики, ориентируясь, по собственному утверждению, в наибольшей степени на компендиум Самуэля Христиана Гольмана (1696–1787) (Hollmann 1746–1747; Рижский 1790:

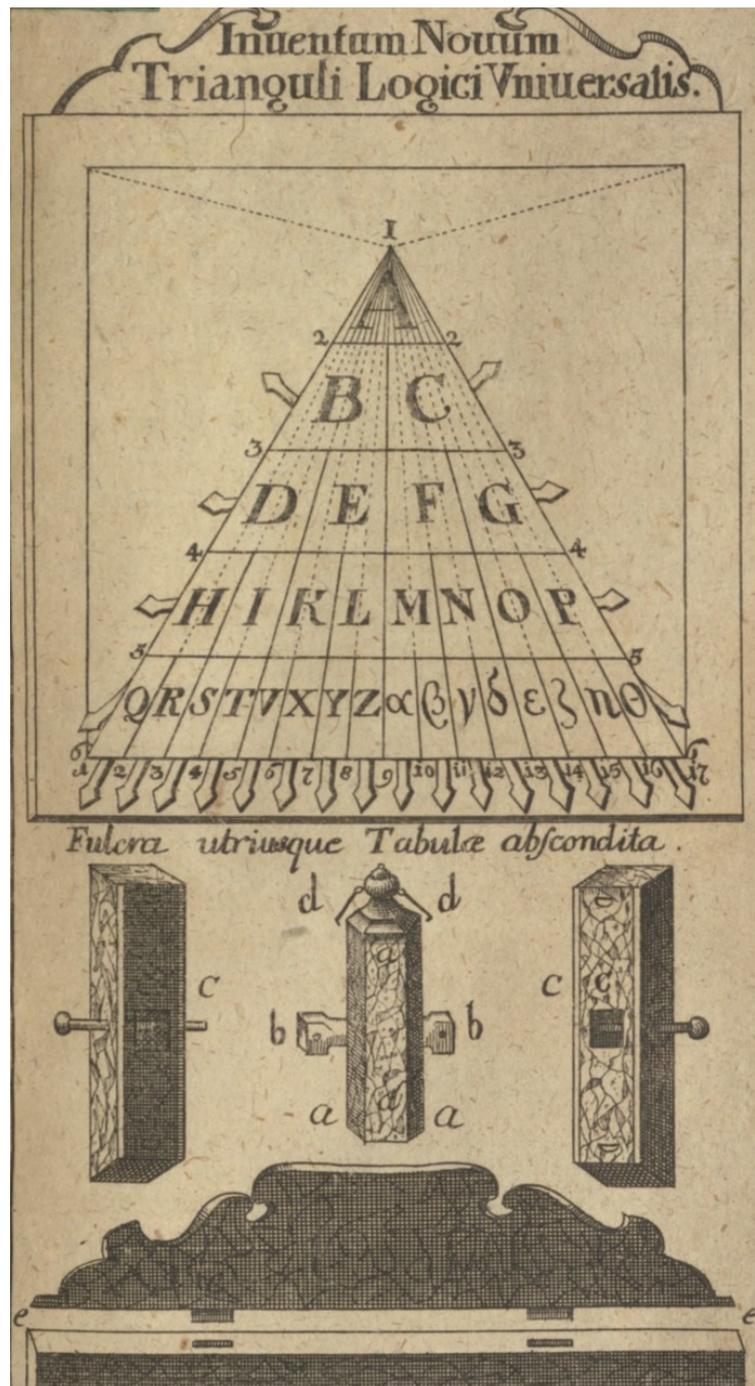

Рис. 39: Фронтиспис 1 из издания: *Lange J. Chr. Inventum novum quadrati logici universalis in trianguli quoque formam commode redacti. Cuius inuenti historia partier ac vsus, (isque per Vniuersam Logicam amplissimus,) ad ferendam aequam doctorum hominum Censuram breuiter hic proponuntur. Gießen, 1714.*

Рис. 40: Фронтиспис 1 из издания: *Lange J. Chr. Inventum novum quadrati logici vniuersalis in triangvli quoque formam commode redacti. Cuius inuenti historia partier ac vsus, (isque per Vniuersam Logicam amplissimus,) ad ferendam aequam doctorum hominum Censuram breuiter hic proponuntur. Gießen, 1714.*

Предисловие. Б. п.). Саму логику Рижский определял следующим образом: «Умсловие Logica est та часть философии, которая наставляет наш разум доходить до справедливого познания» (Рижский 1790: 4. § 5). Учебник, изданный в типографии Горного училища, сопровождает фронтиспис (см. рис. 41), в отличие от Вайзе или Сирбия не имеющий ничего общего с горным делом: он изображает дерево со скромной кроной, но с мощной нижней частью ствола и корнями, уходящими под землю. Вряд ли речь идет и о древе «филомории» И. Ланге. Подпись на латыни «Tuum est» показывает, вероятно, замысел и намерение Рижского написать учебник именно «в пользу обучающегося юношества», которому он и говорит: это твое, или для тебя. Подобный фронтиспис напоминает изображение на гравированном титульном листе, встречающееся в нескольких философских произведениях ростокского философа Иоганна Христиана Эшенбаха (1719–1758), в том числе в его «Логике или науке мышления» (Eschenbach 1756) (см. рис. 42): «Non sibi sed aliis», «не себе, но другим», — гласит подпись под изображением львицы, приносящей добычу своим львьятам. Но ни в случае Эшенбаха, ни в случае Рижского фронтиспис уже не несет серьезной содержательной нагрузки, ничего не сообщая нам о позиции автора в отношении предмета логики и ее задач, а является уже в определенном смысле вырождением былой славной традиции.

Но если аллегорического изображения логики в русских учебниках уже не появилось, то некоторое число изображений Просвещения в российских изданиях имелось, и они показывают нам некоторую российскую специфику по сравнению с немецкими изданиями XVIII века. Если присмотреться к фронтиспису в «Пантеоне российских авторов» 1801 года (см. рис. 43) — года перехода власти на царском престоле от Павла I к Александру I, — то серьезные отличия от сходных немецких иллюстраций вряд ли бросятся в глаза. Перед нами все тот же образ Солнца, освещающего зимний пейзаж, на глазах превращающийся благодаря свету и теплу в пейзаж весенний. Разъяснение фронтисписа гласит: «Солнце освещает с одной стороны зимнюю сцену, а на другой быстрым действием лучей своих извлекает из Земли мураву и цветы. Эмблема Просвещения в нашем отечестве» (Пантеон 1801: Б. п.). Тем не менее, явным образом про Отечество речи в немецких фронтисписах не шло, хотя орлы и на тимпане сиротского дома Франке, и на его издательской марке, встречающейся в том числе во «Врачевании ума» И. Ланге, отсылают не только к пророку Исаии, но и к покровительству прусской короны.

Наиболее заметно различия проступают на фронтисписе к «Российской грамматике» (Ломоносов 1755) еще одного ученика Вольфа — Михаила Васильевича Ломоносова (1711–1765) (см. рис. 44). Его собственный замысел этого изображения был таков: «Представить на возвышенном несколько ступеньми месте престол, на котором сидит Российский язык в лице мужеском, крепком, тучном, мужественном и притом приятном; увенчан лаврами, одет римским мирным одеянием. Левую руку положил на лежащую на столе растворенную книгу, в которой напи-

Рис. 41: Фронтиспис из издания: *Рижский И. С.* Умсловие или умственная философия, написанная в С. Петербургском горном училище в пользу обучающегося в нем юношества. СПб., 1790.

Рис. 42: Гравированный титульный лист издания: *Eschenbach J. Chr. Logice oder Denkungswissenschaft*. Rostock, 1756.

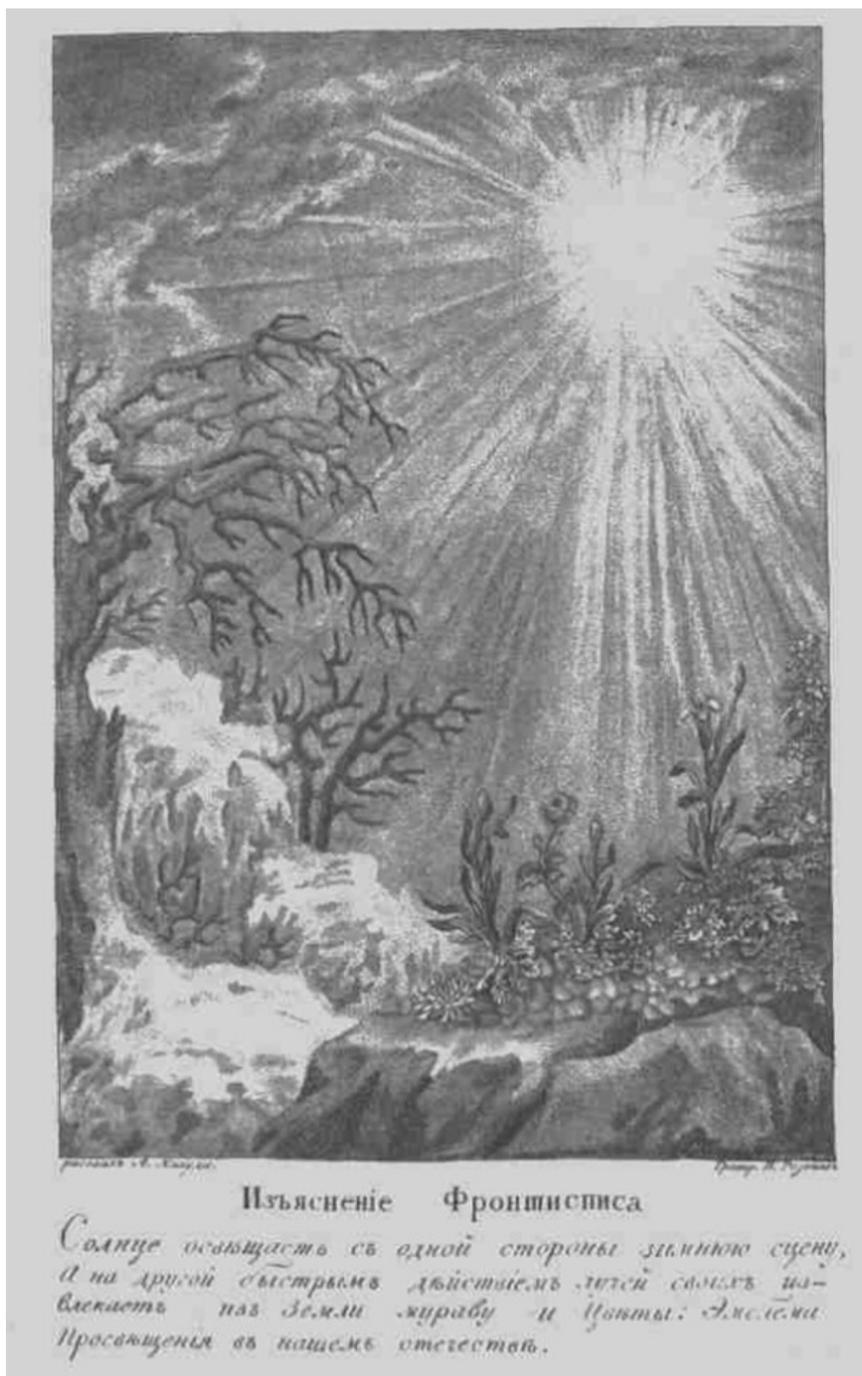

Рис. 43: Фронтиспис из издания: Пантеон российских авторов. Ч. 1. Тетрадь 1. М., 1801. «Изъяснение Фронтисписа. Солнце освещает с одной стороны земную сцену, а на другой быстрым действием лучей своих извлекает из Земли жураву и цветы. Эмблема Просвещения в нашем отечестве».

Рис. 44: Фронтиспис из издания: *Ломоносов М. В. Российская грамматика*. СПб., 1755 [фактически 1757].

сано: Российская грамматика; другую простирает, указывая на упражняющихся в письме гениев, из которых один пишет сии слова: Российская история, другой: Разные сочинения. Подле сидящего Российского языка три нагие грации, схватясь руками, ликуют и из лежащего на столе подле Грамматики рога изобилия высыпают к гениям цветы, смешанные с антиками и с легкими инструментами разных наук и художеств. Перед сим тронем, на другой стороне стоят в куче разные чины и народы, Российской державе подданные, в своих платьях. Наверху, над всем сим ясно сияющее солнце, которое светлыми лучами и дышащими зефирами прогоняет туман от Российского языка. В середине солнца — литера Е под императорскою короною. Позади солнца — следующий на восходе молодой месяц с литерою П, который принятые от солнца лучи испускает от себя на лежащую на столе Российскую грамматику» (Ломоносов 1752: 848). Рисунок выполнил И. Э. Гриммель, а гравюру изготовил И. А. Соколов. Главное различие замысла Ломоносова и исполнения Гриммеля и Соколова состоит в том, что русский язык как «лицо мужеское» был заменен дамской фигурой, имеющей черты сходства с императрицей Елизаветой Петровной. Но даже если это сходство и мнимое, достоверным в строгом соответствии с замыслом оказывается елизаветинский вензель на Солнце — там, где многие немецкие философы помещали тетраграмматон как знак Бога, или же понимали под этим Солнцем сам человеческий разум, либо, на худой конец, собственную философию.

Литература

- Агрикола 1986 — *Агрикола Г.* О горном деле и металлургии в двенадцати книгах / пер. и примечания Н. А. Гальминаса, А. И. Дробинского; под ред. С. Е. Шухардина. М., ²1986.
- Аристотель 1983 — *Аристотель.* Никомахова этика // Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т. 4. М., 1983.
- Бозций 1990 — *Бозций С.* Утешение философией // Бозций С. «Утешение Философией» и другие трактаты. М., 1990.
- Вольф 1765 — *Вольф Хр.* Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании правды, любителям оной изданы. СПб., 1765.
- Гегель 1974 — *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики // Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., 1974.
- Гейне 1994 — *Гейне Г.* К истории религии и философии в Германии. М., 1994.
- Диоген Лаэртский 1986 — *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., ²1986.
- Кант 1994 — *Кант И.* Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках / под ред. Н. В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. Т. 1. М., 1994.

- Круглов 2020 — *Круглов А. Н.* Возникновение фронтисписов как особого визуального средства в учебниках логики Нового времени // *Логико-философские штудии*. 2020. Т. 18, № 1. С. 46–70. DOI: 10.52119/LPHS.2020.88.91.004.
- Ломоносов 1755 — *Ломоносов М. В.* Российская грамматика. СПб., 1755.
- Ломоносов 1952 — Примечания // *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. Т. 7. М., Л., 1952.
- Ломоносов 1954 — *Ломоносов М. В.* Первые основания металлургии или рудных дел // *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. Т. 5. М., Л., 1954.
- Пантеон 1801 — Пантеон российских авторов. Ч. 1. Тетрадь 1. М., 1801.
- Рижский 1790 — *Рижский И. С.* Умословие или умственная философия, написанная в С. Петербургском горном училище в пользу обучающегося юношества. СПб., 1790.
- Boehm 1769 — *Boehm A.* Logica in vsvm avditorii svi ordine scientifico conscripta. Frankfurt am Main, ³1769.
- Crusius 1762 — *Crusius Chr. A.* Weg zur Gewißheit und Zuverlässigkeit der menschlichen Erkenntniß. Leipzig, ²1762.
- Darjes 1742 — *Darjes J. G.* Introductio in artem inveniendi sev logicam theoretico-practicam qva analytica atqve dialectica in vsvm avditorii svi methodo avditoribvs commoda proponvntvr. Jena, ¹1742.
- Darjes 1747 — *Darjes J. G.* Introductio in artem inveniendi sev logicam theoretico-practicam qva analytica atqve dialectica in vsvm avditorii svi methodo avditoribvs commoda proponvntvr. Jena, ²1747.
- Darjes 1764 — *Darjes J. G.* Via ad veritatem commoda avditoribvs methodo demonstrate. Jena, ²1764.
- Darjes 1776 — *Darjes J. G.* Darjes J. G. Weg zur Wahrheit auf Verlangen übersetzt und mit Anmerkungen erläutert. Die Vorrede enthält zugleich eine kurze Nachricht von den des Verfassers bisher herausgegebenen Schriften. Frankfurt an der Oder, 1776.
- De Roy 1670 — *De Roy H.* De eo, quod justum est, et circa id de philosophiae, theologiae & jurisprudentiae syncretismo, libri tres. Jena, 1670.
- Dernburg 1865 — *Dernburg H.* Thomasius und die Stiftung der Universität Halle: Rede gehalten beim Antritt des Rectorats der Universität Halle-Wittenberg am 12. Juni 1865. Halle, 1865.
- Eschenbach 1756 — *Eschenbach J. Chr.* Logic oder Denkungswissenschaft. Rostock, 1756.
- Göttinger Taschen-Calendar 1792 — *Göttinger Taschen-Calendar für das Jahr 1792.* Taschenbuch zum Nutzen und Vergnügen fürs Jahre 1792. Mit Kupfern von Chodowiecky, neuesten Frauenzimmer- und Manns-Kleidungen, in Kupfer. Göttingen, 1792.
- Gundling 1713 — *Gundling N. H.* Via ad veritatem civis pars prima artem recte ratiocinandi id est logicam itemque philosophiam moralem genuinis fundamentis superstructam et a praesumptis opinionibus aliisque ineptiis vacuum sistit. Halle, 1713.
- Gundlingiana 1715 — *Gundlingiana, Darinnen allerhand Zur Jurisprudenz, Philosophie, Historie / Critic / Litteratur Und übrigen Gelehrsamkeit gehörige Sachen abgehandelt werden.* St. 1. Halle, 1715.

- Hauschild 1803 — *Hauschild J. F.* Beytrag zur neuern Münz- und Medaillen-Geschichte vom XVten Jahrhundert bis jetzo: nebst einem raisonnirenden Verzeichniß einer beträchtlichen Sammlung von Medaillen in allen Classen und von allem Metall, auch einiger 100 Stück seltner Thaler, mit Anmerkungen. Dresden, 1803.
- Heydenreich 1954 — *Heydenreich L. H.* Dialektik // Reallexikon zur Deutschen Kunstgeschichte. Bd. III. Stuttgart, 1954.
- Hoffmann 1737 — *Hoffmann A. F.* Vernunft-Lehre, darinnen die Kennzeichen des Wahren und Falschen aus den Gesetzen des menschlichen Verstandes hergeleitet werden. Leipzig, 1737.
- Hollmann 1746–1747 — *Hollmann S. Chr.* Philosophia rationalis, quae logica vulgo dicitur, multum avcta et emendate. Pars I–II. Göttingen, 1746–1747.
- Hutchinson 1726 — *Hutchinson F.* Historischer Versuch von der Hexerey, In einem Gespräch Zwischen einem Geistlichen, einem Schottländischen Advocaten und Englischen Geschworrenen: Worinnen über würcklich geschehene Dinge vernünfftige Anmerckungen gemacht, die hieher gehörigen Stellen aus der Heil. Schrifft richtig erkläret und die gemeinen Irrthümer aufs bescheidenlichste widerleget werden. Nebst zwei vortrefflichen Predigten, die erste zum Beweiß der Wahrheit der christl. Religion, die andere von guten und bösen Engeln, und einer Vorrede von Chr. Thomasius / Aus dem Englischen ins Teutsche übersetzt von Th. Arnold. Leipzig, 1726.
- Kant 1923 — *Kant's* Gesammelten Schriften / hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. VIII. Berlin, ²1923.
- Kant 1924 — *Kant I.* Refl. 1571 // *Kant's* Gesammelte Schriften / hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. XVI. Berlin, 1924.
- Kertscher 2005 — *Kertscher H.-J.* Das Frontispiz am Hauptgebäude der Franckeschen Stiftungen – Versuch einer Annäherung an den Symbolwert seiner bildkünstlerischen Gestaltung // Sträter U. u.a. (Hg.) Interdisziplinäre Pietismusforschungen. Beiträge zum Ersten Internationalen Kongress für Pietismusforschung 2001. Tübingen, 2005.
- Knutzen 1747 — *Knutzen M.* Elementa philosophiae rationalis seu logicae cum generalis tum specialioris mathematica methodo in usum auditorium suorum demonstrata. Cum indice et tabulis synopticis. Königsberg, 1747.
- Lange 1706 — *Lange J. Chr.* Protheoria Eruditionis Humanae Universae: Oder Fragen von der Gelehrsamkeit der Menschen ins gemein. Zu besonderm Dienst und Nutzen der Studierenden Jugend, Wie auch zum Behuf und Fundament seiner Academischen Praelectionen. Gießen, 1706.
- Lange 1714 — *Lange J. Chr.* Inventum novum quadrati logici universalis in trianguli quoque formam commode redacti. Cuius inveniendi historia partier ac vsus, (isque per Vniuersam Logicam amplissimus,) ad ferendam aequam doctorum hominum Censuram breuiter hic proponuntur. Gießen, 1714.
- Lange 1718 — *Lange J.* Medicina mentis, Qua, praemissa Historia mentis medica, seu philosophica, detectaque ac rejecta philomoria, Genuina philosophandi ac litterarum studia tractandi Methodus, tanquam recta ad eruditionem ac sapientiam via ostenditur. Halle, ⁴1718.

- Leinkauf 2006 — *Leinkauf Th.* Bild-Symbol, Geometrie und Methode. Philosophische Implikationen der frühneuzeitlichen Textillustration // Bochumer philosophisches Jahrbuch für Antike und Mittelalter / hrsg. von B. Moisisch, O. Pluta, R. Rehn. Bd. 11. Amsterdam, 2006.
- Lemanski 2019 — *Lemanski J.* Logikdiagramme und Logikmaschinen aus der Zittauer Schule um Christian Weise // Neues Lausitzische Magazin. 2019. Bd. 141. S. 48–56.
- Le Noble 1700 — *Le Noble E.* Die Wahrheit suchende Welt In dem Brunnen der Wahrheit, Zur angenehmen Ergötzung Frantzösisch beschrieben, Par Mr. Noble Und wegen seiner Würde ins Hoch-Teutsche übersetzt von einem WahrheitLiebenden Freunde [Chr. F. Hunold]. Halle, 1700.
- Lichtenberg 1792 — [*Lichtenberg G. Chr.*] Kurze Erklärung der Monatskupfer // Göttinger Taschen-Calendar für das Jahr 1792. Taschenbuch zum Nutzen und Vergnügen fürs Jahre 1792. Mit Kupfern von Chodowiecky, neuesten Frauenzimmer- und Manns-Kleidungen, in Kupfer. Göttingen, 1792.
- Martini 1562 — *Martini C.* Disputationes logicae, ab interitu vindicatae. Helmstedt, 1562.
- Meusel 1803 — Lexikon der vom Jahr 1750 bis 1800 verstorbenen teutschen Schriftsteller / ausgearbeitet von J. G. Meusel. Bd. 2. Leipzig, 1803.
- Offelen 1693 — [*Offelen H.*] Emblematische Gemüths-Vergnügung bey Betrachtung der curi-eusten und ergötzlichsten Sinnbildern mit ihren zuständigen Deutsch-Lateinisch-Francös. u. Italianische beyschriften. Augsburg, 1693.
- Poiret 1694 — *Poiret P.* De eruditione triplici solida, superficiali et falsa libri tres. In quibus veritatum solidarum origo ac via ostenditur; tum cognitionum scientiarumque humanarum, & in specie Cartesianismi, fundamenta, valor, defectus et errores deteguntur. Præmittitur Vera Methodus Inveniendi Verum, Confutationem fundamentorum libri Belgici de Mundo fascinato in fine obiter exhibens. Subnectuntur nõnnulla Apologetica / Editio Nova cui accessit *Chr. Thomasii*, Jcti Dissertatio de Scriptis Autoris. Frankfurt, 1694.
- Reusch 1750 — *Reusch J. P.* Systema logicum antiquiorum atque recentiorum item propria praecepta exhibens. Jena, ³1750.
- Reusch 1753 — *Reusch J. P.* Systema Metaphysicum antiquiorum atque recentiorum item propria dogmata et hypotheses exhibens. Jena, ³1753.
- Rüdiger 1709 — *Rüdiger A.* De sensu veri et falsi Lib. IV. in quibus sapientia ratiocinativa á præjudiciis Aristotelicis & Cartesianis purgatur, multisque novis & ad Veram eruditionem necessariis meditationibus mactatur. Halle, ¹1709.
- Rüdiger 1711 — *Rüdiger A.* Institutiones eruditionis, seu philosophia synthetica tribus libris, de sapientia, justitia, et prudentia, methodo mathematicae aemula, breviter et succincte, comprehensa. Halle, ²1711.
- Rüdiger 1741 — *Rüdiger A.* De sensu veri et falsi, libri IV. Leipzig, ²1741.
- Sailer 1785 — *Sailer J. M.* Vernunftlehre für Menschen, wie sie sind. Nach den Bedürfnissen unserer Zeit. Bd. 1. München, 1785.
- Scheibler 1613 — *Scheibler Chr.* Liber de philosophia, natura logicae, praedicamentis, praedicabilibus, &c. pro introductione logicae: in quo res eo pertinentes diligenter & perspicue proponuntur & explicantur; additi sunt indices duo; alter capitum, generalium titulorum, & quaestionum, in initio: alter rerum in fine. Gießen, 1613.

- Scheidemantel 1786 — *Scheidemantel H. G.* An den Herrn Geheimden Rath D. Darjes, bei Gelegenheit der Jubelfeier seines akademischen Lehramts. Stuttgart, 1786.
- Schlichtegroll 1794 — Nekrolog auf das Jahr 1792. Enthaltend Nachrichten von dem Leben merkwürdiger in diesem Jahre verstorbener Personen / gesammelt von F. Schlichtegroll. Bd. 2. Gotha, 1794.
- Schneiders 1990 — *Schneiders W.* Hoffnung auf Vernunft. Aufklärungsphilosophie in Deutschland. Hamburg, 1990.
- Syrbius 1724 — *Syrbius J. J.* Nexus Doctrinae Philosophicae Oder Kurtze Anweisung Zur Weisheit Und allen dahin unmittelbar gehörigen vernünftigen Wissenschaften Darinnen Dieselbe Nach ihren vornehmsten Wahrheiten in einer natürlichen ungezwungenen Ordnung mit einander verbunden werden. Jena, 1724.
- Syrbius 1726 — *Syrbius J. J.* Institutiones philosophiae primae novae et eclecticae quarum pars prima, seu architectonica praeter theologiam philosophicam omnis eruditionis fundamenta principia et methodvm ex ipsivs hominis consideratione derivata altera vero, seu metaphysica philosophiam occultam tertia denique, seu ontologia notionvm philosophicarvm vvlgo vsitatorvm explicationem continent. Addita est vniversae historiae philosophicae tabvla. Jena, ²1726.
- Thomasius 1688 — *Thomasius Chr.* Introductio ad philosophiam aulicam, seu lineae primae libri de prudentia cogitandi et ratiocinandi ubi ostenditur media inter praeiudicia Cartesianorum, & ineptias Peripateticorum, veritatem inveniendi via. Leipzig, ¹1688.
- Thomasius 1691a — *Thomasius Chr.* Einleitung zu der Vernunft-Lehre, Worinnen durch eine leichte, und allen vernünftigen Menschen, wasserley Standes oder Geschlechts sie seyn, verständliche Manier der Weg gezeigt wird, ohne die Syllogisticâ das wahre, wahrscheinliche und falsche voneinander zu entscheiden, und neue Wahrheiten zu erfinden. Halle, ¹1691.
- Thomasius 1691b — *Thomasius Chr.* Ausübung der Vernunft-Lehre oder: kurtze, deutliche und wohlgegründete Handgriffe, wie man seinem Kopffe aufräumen und sich zu Erforschung der Wahrheit geschickt machen: die erkandte Wahrheit andern beybringen; andere verstehen und auslegen; von anderer ihren Meinungen urtheilen, und die Irrthümer geschicklich widerlegen solle; worinnen allenthalben viel allgemeine heut zu Tage im Schwang gehende Irrthümer angezeigt und deutlich beantwortet werden; nebst einer Vorrede, in welcher der Autor die Ursachen anzeigt; warum er auch auff des Realis de Vienna seine Discursus und Dubia über die Introductionem ad Philolophiam Aulicam nicht beantworten werde. Halle, ¹1691.
- Thomasius 1702 — *Thomasius Chr.* Introductio ad philosophiam aulicam, seu lineae primae libri de prudentia cogitandi et ratiocinandi ubi ostenditur media inter praeiudicia Cartesianorum, & ineptias Peripateticorum, veritatem inveniendi via. Halle, ²1702.
- Thomasius 1710 — *Thomasius Chr.* Einleitung Zur Hoff-Philosophie, Oder, Kurtzer Entwurf und die ersten Linien Von Der Klugheit zu Bedencken und vernünftig zu schliessen: Worbey die Mittel-Strasse, wie man unter den Vorurtheilen der Cartesianer, und ungeleiteten Grillen der Peripatetischen Männer, die Warheit erfinden soll, gezeigt wird. Statt eines Anhangs ist noch hinzu gekommen Herrn Ulrich Hubers, Eines berühmten Nieder-

- ländischen Rechtsgelehrten, gehaltene Rede Von dem Laster der Pedanterey / Aus dem Lateinischen ins Teutsche übersetzt von P. D. Berlin, ¹1710.
- Thomasius 1712 — *Thomasius Chr.* Einleitung Zur Hoff-Philosophie, Oder, Kurtzer Entwurff und die ersten Linien Von Der Klugheit zu Bedencken und vernünfftig zu schliessen: Worbey die Mittel-Strasse, wie man unter den Vorurtheilen der Cartesianer, und ungeleiteten Grillen der Peripatetischen Männer, die Wahrheit erfinden soll, gezeigt wird. Statt eines Anhangs ist noch hinzu gekommen Herrn Ulrich Hubers, Eines berühmten Niederländischen Rechtsgelehrten, gehaltene Rede Von dem Laster der Pedanterey / Aus dem Lateinischen ins Teutsche übersetzt von P. D. Berlin, ²1712.
- Thomasius 1719a — *Thomasius Chr.* Einleitung zu der Vernunft-Lehre, Worinnen durch eine leichte, und allen vernünftigen Menschen, waserley Standes oder Geschlechts sie seyn, verständliche Manier der Weg gezeigt wird, ohne die Syllogisticâ das wahre, wahrscheinliche und falsche voneinander zu entscheiden, und neue Wahrheiten zu erfinden. Halle, ⁵1719.
- Thomasius 1719b — *Thomasius Chr.* Ausübung der Vernunft-Lehre oder: kurtze, deutliche und wohlgegründete Handgriffe, wie man seinem Kopffe aufräumen und sich zu Erforschung der Wahrheit geschickt machen: die erkandte Wahrheit andern beybringen; andere verstehen und auslegen; von anderer ihren Meinungen urtheilen, und die Irrthümer geschicklich widerlegen solle; worinnen allenthalben viel allgemeine heut zu Tage im Schwang gehende Irrthümer angezeigt und deutlich beantwortet werden; nebst einer Vorrede, in welcher der Autor die Ursachen anzeigt; warum er auch auff des Realis de Vienna seine Discursus und Dubia über die Introductionem ad Philolophiam Aulicam nicht beantworten werde. Halle, ⁵1719.
- Tschirnhaus 1695 — *Tschirnhaus E. W. von.* Medicina mentis, sive Artis inveniendi praecepta generalia. Leipzig, ²1695.
- Walch 1726 — *Walch J. G.* Philosophisches Lexicon, darinnen die in allen Theilen der Philosophie, als Logic, Metaphysic, Physic, Pneumatic, Ethic, natürlichen Theologie und Rechtsgelehrsamkeit, wie auch Politic fürkommenden Materien und Kunst-Wörter erklärt, und aus der Historie erläutert; die Streitigkeiten der älteren und neueren Philosophen erzehlet, die dahin gehörigen Bücher und Schriften angeführet, und alles nach alphabetischer Ordnung vorgestellet worden mit nöthigen Registern versehen. Leipzig, 1726.
- Weigel 1693 — *Weigel E.* Philosophia mathematica, theologia naturalis solida, per singulas scientias continuata, universae artis inveniendi prima stamina complectens. Jena, 1693.
- Weise 1695 — *Weise Chr.* Doctrina logica duabus partibus sic comprehensa, ut prior notitiam propositionum, syllogismorum & terminorum simplicium; posterior ipsam praxin, in definitione, divisione, demonstratione, methodo, interpretatione & disputatione necessariam exhibeat: exemplis ut plurimum politicis illustrata, rebusque oratoriis sedulo accommodata. Leipzig, ⁴1695.
- Weise 1700 — *Weise Chr.* Curieuse Fragen über die Logica Welcher gestalt die unvergleichliche Disciplin Allen Liebhabern der Gelehrsamkeit, sonderlich aber von einem Politico deutlich und nützlich soll erkennenet werden; In Zweyen Theilen, Der anfänglichen Theorie, und der nachfolgenden Praxi zum besten Durch gnugsame Regeln, und sonderliche Exempel ausgeführet. Leipzig, 1700.

- Wohlmeinendes Gutachten 1701 — Wohlmeinendes Gutachten Uber Herrn Thomas Bißherige Art zu schreiben/ Nach dem unlängst heraus gekommenen Vorschlag / Wie Er einen jungen Menschen binnen drey Jahren in der Philosophie und singulis Jurisprudentiae partibus zu informiren gesonnen sey // *Thomasius Chr.* Allerhand bißher publicirte Kleine Teutsche Schrifften / Mit Fleiß colligiret und zusammen getragen; Nebst etlichen Beylagen und einer Vorrede. Halle, 1701.
- Wolff 1713 — *Wolff Chr.* Vernünfftige Gedancken von den Kräfften des menschlichen Verstandes und ihrem richtigen Gebrauche in Erkänntnis der Wahrheit. Halle, ¹1713.
- Wolff 1719 — *Wolff Chr.* Vernünfftige Gedancken von den Kräfften des menschlichen Verstandes und ihrem richtigen Gebrauche in Erkänntnis der Wahrheit. Halle, ²1719.
- Wolff 1720 — *Wolff Chr.* Vernünfftige Gedanken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, auch allen Dingen überhaupt. Halle, ¹1720.
- Wolff 1722 — *Wolff Chr.* Vernünfftige Gedancken von den Kräfften des menschlichen Verstandes und ihrem richtigen Gebrauche in Erkänntnis der Wahrheit. Halle, ³1722.
- Wolff 1724 — *Wolff Chr.* Anmerckungen über die vernünfftige Gedancken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen, auch allen Dingen überhaupt, zu besserem Verstande und bequemerem Gebrauch derselben. Halle, ¹1724.
- Wolff 1733 — *Wolff Chr.* Ausführliche Nachricht von seinen eigenen Schrifften, die er in deutscher Sprache von den verschiedenen Theilen der Welt-Weißheit heraus gegeben. Halle, ²1733.
- Wolff 1737 — *Wolff Chr.* Gesammelte kleine philosophische Schrifften, welche bißher meistens lateinisch im Druck heraus waren, Zweyter Theil, darinnen besonders die zu der Vernunfftlehre gehörigen / zusammengetragen, übersetzt und mit nöthigen und nützlichen Anmerkungen versehen worden sind von G. F. H. Halle, 1737.
- Wolff 1740 — *Wolff Chr.* Philosophia rationalis sive logica, methodo scientifica pertractata et ad usum scientiarum atque vitae aptata. Praemittitur discursus praeliminaris de philosophia in genere. Frankfurt, ³1740.
- Wolff 1754 — *Wolff Chr.* Vernünfftige Gedancken von den Kräfften des menschlichen Verstandes und ihrem richtigen Gebrauche in Erkänntnis der Wahrheit. Halle, ¹⁴1754.
- Zabarella 1578 — *Zabarella Ia.* De natura logicae // *Zabarella Ia.* Opera Logica. Cum duplici Indice, altero ipsorum operum, altero verò et eo quidem locupletissimo, rerum omnium notatu dignarum, quae in toto volumine continentur. Venetiis, 1578.
- Zedler 1738 — *Logicke, Vernunfft-Lehre, Vernunfft-Kunst* // Grosses vollständiges Universal-Lexicon Aller Wissenschaften und Künste / hrsg. von J. H. Zedler. Bd. 18. Halle, 1738.